

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

РЭМСИ КЭМПБЕЛЛ

ПОЛУНОЧНОЕ
СОЛНЦЕ

Легенды хоррора

Рэмси Кэмпбелл
Полуночное солнце

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Кэмпбелл Р.

Полуночное солнце / Р. Кэмпбелл — «Издательство АСТ»,
2019 — (Легенды хоррора)

ISBN 978-5-17-155132-2

Бен Стерлинг наследует дом своих предков и решает переехать туда с семьей, не зная о странных историях, которые ходят в местном городке о лесе, что раскинулся вокруг древней дубовой рощи. В ней когда-то давно нашли тело прапрадеда Бена, который, прежде чем переехать в Англию, изучал ледяные просторы далекого Севера, где, как говорят, шаманы практиковали древние ритуалы, чтобы полуночное солнце светило над снежной пустыней. Теперь, спустя три поколения, Бен пробуждает невероятную силу и вскоре вся местность вокруг оказывается во власти льда и метели. А тех, кто приближается к лесу, ждет самая незавидная судьба.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-155132-2

© Кэмпбелл Р., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Семена	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Глава седьмая	31
Глава восьмая	35
Подслушанное	40
Глава девятая	40
Глава десятая	44
Глава одиннадцатая	49
Глава двенадцатая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Рэмси Кэмпбелл; Полуночное солнце

Посвящая с любовью Крис и Лиз это зимнее чтение у камина

Ramsey Campbell
MIDNIGHT SUN

Published by arrangement with Lester Literary Agency & Associates

Перевод с английского: *Елена Королева*

© Ramsey Campbell, 2019

© Елена Королева, перевод, 2023

© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Семена

Авторы [работающие в жанре хоррора], которые когда-то старались внушить благоговейный трепет, а вызывали страх, теперь стараются внушить страх, а вызывают лишь омерзение.

Дэвид Эйлворд.

Месть прошлого: культурное значение сверхъестественной фантастики

Глава первая

Он уже успел пересечь половину Англии и почти добрался до дома, прежде чем его заметили. Июньский день разгорался, и железнодорожные вагоны нагревались все жарче и все сильнее воняли куревом, а на пересадочных станциях толпилось все больше народу. В поезде, выехавшем из Нориджа, ему пришлось убеждать по-матерински заботливую женщину с мяукающей корзиной на коленях, что в Питерборо его встречают. Хуже всего было ожидание очередного поезда, и в Питерборо, и потом, почти пять часов спустя, в Лидсе: вокзалы превратились в пещеры, полные великанов, каждый из которых мог его схватить. Но стоило ему сесть в Лидсе на поезд до Старгрейва, как он решил, что теперь в безопасности. Ему и в голову не пришло, что чем ближе к дому, тем больше вероятность, что кто-нибудь его узнает.

У него в носу стоял затхлый запах вагона, а сердце стучало громко, словно колеса поезда. Он жалел, что не купил в дорогу еды, но после оплаты проезда из Нориджа от его сбережений осталось всего несколько пенни. Он с трудом сглотнул пересохшим горлом и принялся старательно дышать, пока не исчезло ощущение угрозы, порожденное влажной жарой раннего лета и поездом, который, раскачиваясь, неся через городскую окраину к вересковым пустошам Йоркшира. С каждой новой остановкой открытые всем ветрам холмы за домами как будто придвигались ближе и становились круче. Теперь пассажиры чаще выходили, чем входили, и когда за окном распахнулось поросшее вереском пространство, он и вовсе остался в вагоне один.

Небо становилось бледнее по мере того, как поезд приближался к нему. Склоны холмов, глянцево-зеленые от травы или ошетилившиеся английским утесником и вереском, подпирали голые известняковые кряжи, возносившиеся над рельсами. Зазубренные каменные стенки, напоминавшие ему хребты динозавров, разграничивали пастбища, по которым врассыпную бродили овцы. Ему показалось, что знакомые пейзажи приветствуют его. И это ощущение, и еще усталость от долгого пути, позволили ему погрузиться в дремоту и забыть, ради чего он возвращается домой.

Когда поезд подъехал к небольшой открытой платформе перед Старгрейвом, он заморгал, открывая глаза. Поезд с тяжким вздохом остановился, и на платформу торопливо поднялась женщина, одетая не по сезону тепло, в фиолетовое пальто, с платком на голове, и двинулась к ближайшей двери, подталкивая вперед одного из своих сыновей сумкой на колесиках и волоча за собой двух других, близнецов. Бен увидел ее лицо, освещавшееся красным огоньком каждый раз, когда она затягивалась опасно укоротившейся сигаретой, торчавшей из угла рта, и отпрянул назад, скрываясь из виду. Это была техничка из старгрейвской школы.

Может быть, она не успела его заметить. Он сполз по сиденью, когда у него за спиной с грохотом распахнулась дальняя дверь. Трое мальчишек, жизнерадостно галдя, ввалились в проход: близнецы тузили и пихали друг друга, младшенький вопил у них за спиной, чтобы подождали его, а их мамаша, вроде бы, была слишком сосредоточена на детях и удостоила одинокого пассажира лишь беглым взглядом.

– Прекратите немедленно, не то получите. Ну-ка, сели сюда! – скомандовала она и шлепнулась на сиденье через проход от Бена. – Сейчас же ко мне.

Она затушила окурок, но как только поезд тронулся, тут же закурила новую сигарету. Деревенские домики из песчаника сменились одиночными холмами, усеянными камнями и напоминавшими полуразрушенные постройки, и Бен постарался развернуться к окну всем телом. Он не столько боялся быть узнанным, сколько не сдержат эмоции, которые он подавлял целый день, приберегая до места назначения.

– Сидите смирно, вам говорю, – прикрикнула женщина, а затем Бен ощутил, как она перегнулась через проход, рассматривая его. – Ты что, голуба, один едешь? – спросила она.

Он попробовал притвориться, будто не слышит, но невольно еще сильнее развернулся к окну.

– Я с тобой разговариваю, голуба, – произнесла она, повышая голос. – Я же тебя знаю, правда? Ты не должен разъезжать в одиночку.

Близнецы зашушукались.

– Это он? – спросил один из них. – Он, да, мам? Тот мальчик, у которого и мама, и папа, и вообще все погибли на пустоши?

Бен зажмурился, чтобы подавить нахлынувшие чувства, и тогда женщина опустила на сидение рядом с ним.

– Все в порядке, сынок, не нужно бояться, – зажурчала она так близко, что он ощутил на щеке жар от ее сигареты. – Я знаю, что ты сын Стерлингов. Откуда ты едешь? Очень плохо они поступили, те, кто должен был за тобой присматривать. Отпустить восьмилетнего ребенка одного.

Он испугался при мысли, что из-за него у тети будут неприятности. Та ведь так старалась, чтобы ему было хорошо – как она себе это представляла. Он закусил нижнюю губу, причмокнув так, что близнецы захихикали, и принялся мусолить ее, чтобы успокоиться.

– Не обращай на нас внимания, Бен, – продолжала женщина. – Поплачь. Вредно держать все в себе.

Зажмуриться еще сильнее он не смог, поэтому открыл глаза. Перед ними все плыло, как будто поток слез, который он силился сдержать, все-таки прорвался наружу. У него возникло ощущение, будто она украла его горе и выставила на всеобщее обозрение. Бену хотелось ударить по ее пухлому лицу, казавшемуся угрюмым от тревоги за него, по этому носу, ноздри которого раздувались и опадали при каждом вдохе и выдохе, по рябому двойному подбородку, из которого торчали жесткие рыжеватые волоски.

– Останешься пока с нами, – решила она, – и мы найдем того, кто о тебе позаботится, бедняжка.

Он мог бы сказать, что едет не в Старгрейв, а дальше, только она никогда особенно не прислушивалась к словам детей. И ему пришла мысль, настолько ясная, что он похолодел и ощутил пустоту в душе: остается лишь открыть дверь вагона и выпрыгнуть. По крайней мере, тогда он точно будет со своими родными. Он потянулся рукой за спину и нащупал ручку, ощутив, как подрагивает дверь. Ему достаточно лишь надавить на ручку и вывалиться из поезда спиной вперед. Когда дверь поддастся, он закроет глаза. Вагон качнуло, и его отбросило на ручку, он почувствовал, как она опустилась, а в следующий миг дверь громыхнула, женщина схватила его за руку и подтащила по сиденью к себе.

– Нельзя баловаться с вагонными дверями, сынок. Все вы, мальчишки, одинаковы.

Он едва не заплакал злыми слезами, не столько из-за того, что она помешала, сколько из-за того, что она причислила его к своим детям. Он бросился бы к двери, дождавшись, когда она отпустит его, и доказал бы, что она ему не указ, однако из-за возникшей задержки он понял, каково будет выпасть из поезда, и ему не хватило храбрости. Ее детей он почти не воспринимал

– так, какое-то непрестанное недоброе копошение на противоположном сидении, – пока она не вцепилась в него еще крепче, пригрозив им свободной рукой:

– Сидите смирно. Через минуту уже выходим.

Один из близнецов копался в корзине и при звуке ее голоса зарылся еще глубже.

– Хочу конфеты.

Младший братец взвыл:

– Нечестно! Они всегда съедают все зеленые.

– Прекратите, – взвизгнула она, выпустив руку Бена. Из корзины вывалилась картошка, когда младшенький выдернул оттуда пакетик с конфетами и побежал прочь. Поезд замедлил ход, переезжая через мост над шоссе на окраине Старгрейва, за окном показался Лес Стерлингов, тенистый серебристо-зеленый массив над террасами улиц, застроенных коттеджами из песчаника и домишками цвета старого пергамента. Младший мальчишка запрыгнул на сиденье в конце вагона, размахивая пакетиком конфет над головой, но потом близнецы вцепились в его добычу с такой силой, что пакет лопнул. Женщина собрала картошку и, пошатываясь, бросилась в проход, погрозив Бену похожим на желтоватую сосиску пальцем. – Не смей никуда уходить!

Он всегда слушался взрослых. Из тетиного дома он выскользнул до рассвета, оставив записку, в которой просил не волноваться за него, и, приоткрывая входную дверь, боялся, как бы она не проснулась и не окликнула его. И вот теперь его пригвоздило к месту чувство долга. Близнецы смеялись над младшим братом, который так и сжимал в руке разорванный пакетик от конфет, пока он не пнул одного по ноге, а другому не ткнул кулаком в глаз.

– Прекратите, вы же покалечите друг друга! – надрывалась их мать, раздавая подзатыльники тем, до кого удавалось дотянуться. – Больше никто не получит ни конфет, ни шоколадок, ни чипсов. И обещанные игрушки я вам не куплю, а новые ботинки сдам обратно в магазин...

Внезапно Бен исполнился презрения к ней, настолько сильного, что сам испугался. Поезд подкатил к станции. Бен рванул к двери и нажал на ручку. Дверь широко распахнулась, пятки больно ударились о землю, и он побежал к началу платформы быстрее поезда.

Начальник станции, неторопливый старик с подкрученными кверху усами, пожелтевшими от табачного дыма и никотина, вышел ему навстречу из своей будки. Он взглянул на билет Бена, а потом так резко вскинул голову, что Бен невольно проследил за его взглядом. Женщина в фиолетовом пальто одной рукой колотила по окну, а другой силилась открыть дверь, крича начальнику станции, чтобы он задержал Бена. Бену показалось, это слышит весь Старгрейв, хотя ее голос был заглушен стеклом.

– Придется подождать, – сказал начальник станции.

Он перегораживал Бену выход со станции. У Бена заныло в груди, и он снова задышал, только поняв, что начальник станции имеет в виду женщину.

– Кажется, ей бы пора уже научиться открывать двери, – заметил начальник станции и подмигнул Бену, забирая его билет.

Бен торопливо пошел к выходу, втянув голову в плечи из страха услышать за спиной окрик. Где-то слева, со стороны моста, звякнул колокольчик в дверях магазина. Справа, на площади, разбирали торговые палатки, и их металлические ребра бряцали о булыжник. Впереди, по направлению к лесу, извивались узкие боковые улочки, как будто уставшие подниматься напрямик. Услышав, как шумно открылась дверь вагона и женщина заорала на своих детей, требуя от них заткнуться, Бен перебежал Рыночную улицу, обогнув лужу разлитого машинного масла рядом с безлюдной стоянкой такси, и помчался вверх по переулку, соединявшему две боковые улицы.

Он не замедлял бега, пока станция не скрылась из виду, тогда он перешел на торопливый шаг, поднимаясь по склону холма между высокими, грубо сложенными стенами задних дворов. Кто-то заколачивал гвозди под комментарий кого-то другого: «Краску не обдери!», кто-

то учил шумного попугая повторять свое имя. Спортивный комментатор вопил в микрофон так, что радиоприемник зашкаливало, а где-то в комнате на верхнем этаже женщина говорила: «Посмотрим, подойдет ли тебе ее старое платье». От возможности слышать голос города, оставаясь невидимым для него, Бен ощутил себя шпионом на секретном задании – задании, смысл которого теперь, когда он приближался к месту назначения, становился все менее понятным.

Грузовик, нутужно ворча, обогнул Круглую площадь и свернул к строительной площадке. Как только он проехал мимо, Бен метнулся через дорогу к следующему переулку, который еще круче забирал наверх. Между неровными выпуклыми булыжниками змейками вились отложения засохшей грязи, нанесенной дождем. Через два поворота переулка Бен увидел Черч-роуд, и сердце, как ему показалось, затрепетало в груди. Он на цыпочках подбежал к выходу из переулка и внимательно оглядел дорогу, спускавшуюся с холма и справа, и слева от него; удивившись, что здесь некому его остановить, Бен ринулся на другую сторону к кладбищенским воротам. Он поднял засов и приоткрыл железные ворота ровно настолько, чтобы проскользнуть внутрь, затем заставил себя медленно закрыть их, чтобы они не закрипели снова.

– Я проведать родных, – произнес он вслух, после чего ему пришлось развернуться навстречу реальности.

Оказалось, никто за ним не гнался. Несколько маленьких мраморных ангелов, угнездившихся на надгробьях, созерцали небеса. В церковном окне рядом с крыльцом возвышался святой Христофор ¹: массивной витражной рукой он придерживал мальчика, сидевшего у него на плече, а в другой руке сжимал ручку маленькой девочки, – вся эта картина была как будто сложена из дюжин обломков неба и закатов. Бен окинул взглядом сеть тропинок, расходящихся от церкви, и двинулся между могилами к белому мраморному обелиску.

Обелиск возвышался среди самых старых могил кладбища, между треснувшей каменной урной и иссохшим почерневшим венком. И высотой он был почти с одиночные деревья, благодаря которым кладбище казалось пограничной полосой между Лесом Стерлингов и городом. Мрамор обелиска так ярко сверкал на солнце, что Бену пришлось прищуриться. Пока он читал выбитые надписи, заслоняя глаза ладонями с переплетенными пальцами, растянувшийся на мили лес выше по склону холма, за полосой общинных земель и живой изгородью, казался большой тенью, наползающей на пейзаж перед ним. Имена отца и деда были теперь вырезаны на обелиске над именем Эдварда Стерлинга, чьи годы жизни и смерти датировались девятнадцатым столетием. Только матери Бена не было здесь, потому что его тетя похоронила сестру в фамильном склепе в Норидже.

Бен всматривался в имена, словно они могли объяснить ему, ради чего он здесь. Уехав так далеко, он чувствовал, что все-таки не доехал. Он сжимал переплетенные пальцы, пока не заболели руки, словно эта боль была беззвучной молитвой, способной наставить его на верный путь. Наконец ему пришлось расцепить пальцы, и боль понемногу затихла, оставив ему чувство пустоты и утраты, лишив возможности действовать, – он мог лишь смотреть, как его дыхание вырывается перед лицом облачками пара.

Он созерцал этот пар довольно долго, прежде чем до него дошло, что в такой жаркий день не может быть пара от дыхания. К этому времени он уже успел обхватить себя руками, чтобы унять дрожь. Снова пришло ощущение, и куда более сильное, чем недавно у ворот, что за ним наблюдают. Он поднял глаза и заставил себя всмотреться в лес сквозь туманную завесу.

На кладбище что-то появилось. Бену пришлось прикрыть глаза дрожащей от холода рукой, чтобы защититься от блеска обелиска, прежде чем он смог рассмотреть это. Между ним и живой изгородью, обозначающей границу общинных земель, часть пространства шириной в несколько надгробий и высотой больше обелиска сверкала от каких-то переливающихся

¹ Имя святого означает «носящий Христа» и перекликается с преданием о том, как Христос явился Христофору в образе мальчика, которого тот перенес через реку. Именно поэтому он часто изображается с ребенком на плече.

частиц, ослепительных, словно осколки зеркала. Под ними, на траве, блестела тонкая бледная линия, и Бен видел, что эти осколки движутся к нему в неспешном танце.

Когда переливающиеся частицы прошли под деревом, с него упало несколько листьев. Бен видел, как они побелели, спланировав на землю. Ему показалось, за время их полета он сделал несколько глубоких вдохов, но пара от собственного дыхания он больше не видел. Его тело как будто замедляло все жизненные процессы, делаясь спокойным, словно мрамор, хотя ему казалось, он по своей воле замер, чтобы не поддаться нарастающей панике. И тем не менее руки его двигались почти незаметно для него, поднимаясь, чтобы приветствовать приближавшееся нечто. Когда ладони оказались на уровне глаз, он заметил, что пальцы блестят от пушистых снежинок, зависших в воздухе. К нему подступала тишина, куда более глубокая, чем тишина кладбища. Он отстраненно сознавал, что шагает к лазу в живой изгороди, за которой начинались общинные земли, следуя за танцующими снежинками, уходящими прочь. Он чувствовал, что если пойдет за ними, то, возможно, поймет, на что намекает этот танец.

Прозвучал мужской окрик, однако Бен пропустил его мимо ушей. Он был уверен, что еще есть время, чтобы добраться до деревьев и спрятаться. Ему казалось, этот умиротворяющий танец уже скрыл его от чужих глаз, потому что ослепительные искры замедляли свое кружение рядом с ним, словно приглашая присоединиться к их хороводу. Исчезающие узоры, которые они чертили в воздухе, едва различимый шепот, который он силился уловить, кажется, обещали раскрыть невероятные тайны.

А в следующий миг он замешкался перед лазом в живой изгороди, сквозь которую просочились переливающиеся частицы. Какой-то мужчина положил руку ему на плечо, отдернул в изумлении, но затем усилил хватку.

– Да он холодный как ледышка, бедняга, – проговорил мужчина, и Бен услышал, как женщина – та, в фиолетовом пальто, – заворковала что-то сочувственное. Он увидел, как несколько деревьев на краю леса заискрились, а потом потускнели, и под деревьями не осталось ничего, кроме угрюмой зеленоватой тени. Он ощущал себя брошенным, сбитым с толку, и был способен лишь трястись от холода.

Глава вторая

Полицейский участок Старгрейва находился в маленьком домике, где переднюю комнату разделяла надвое стойка. Женщина-полицейский с крупными морщинистыми руками завела Бена в комнатку поменьше, рядом с кухней, и принесла ему стакан молока.

– Только что из-под коровы. Давай пей.

Полицейский, обнаруживший его на кладбище, проговаривал вопросы очень медленно, и Бен догадался, что так тот старается выказать добродушие, однако лично он видел в этом лишь снисходительность. Знает ли Бен свой адрес? Он проделал весь этот путь в одиночку? Рассказывал ли он кому-нибудь, куда едет? Даже если он и оставил тете записку с просьбой не волноваться, неужели он думает, что она не волнуется?

– Я надеялся, – промямлил Бен, чувствуя себя маленьким и гадким.

По крайней мере, его больше не трясло, хотя тело оставалось таким напряженным, что, казалось, от малейшего прикосновения затрясет снова. Пока полицейский, зайдя за стойку, звонил тетушке Бена, женщина в форме держала его за руку и рассказывала о своей дочери, которая хотела стать машинистом поезда, когда вырастет. Довольно скоро полицейский позвал Бена к себе.

– Просто скажи тете, что с тобой все в порядке, хорошо?

Пока Бен тащился к телефону, он слышал, как ее голос требует ответа: звук был такой, словно прямо в стол была вмонтирована ее уменьшенная копия. Он поднял телефонную трубку обеими руками и отставил подальше от уха.

– Тетя, я здесь.

– Скажи спасибо Всевышнему, – произнесла она так безучастно, что он подумал, уж не велит ли она ему сделать это буквально. – Тебя там кормят? Или ты весь день на голодном пайке?

– Я ничего не хочу, – сказал он и тут же понял, что подобная правда не принесет ничего хорошего. – В смысле, я до того перекусил.

– Поговорим, когда вернешься домой. Передай трубку полицейскому.

Бен еле-еле доплелся обратно до своего стула с полным ощущением, что идти ему некуда.

– Мы за ним присмотрим, вам не о чем переживать, – говорил между тем полицейский, а потом его тон стал деловитым и официальным. – Да, мэм, разумеется, мне известно, кто такие Стерлинги... Трагическая утрата для нашего города... Я уверен, мы сможем, мэм, после чего я лично прослежу, чтобы его благополучно вернули к вам.

Теперь Бен уже не знал, куда деваться от смущения. Каждый раз, когда полицейский произносил «мэм», он напоминал ему тех детей в поезде.

– Я бы не стал пока называть точное время, мэм... Когда мы его обнаружили, он был в таком состоянии... – И это все? Неужели он действительно не увидел того, что видел на кладбище Бен, ведь он стоял так близко к нему? – Полагаю, врач уже здесь, мэм, – сказал полицейский.

Врачом оказалась маленькая и круглая, но очень стремительная женщина, от которой пахло мятными леденцами, и один из них звякнул о ее зубы, когда она передвинула его языком за хомячью щеку.

– Как его зовут? – поинтересовалась она, глядя Бену в глаза и щупая рукой его лоб, и ему показалось, что его здесь нет, что его увлекли за собой танцующие снежинки на кладбище. – Что с ним случилось?

Полицейскому наконец удалось завершить телефонный разговор.

– Он просто захотел вернуться в Старгрейв, чтобы, как я понимаю, побывать на могиле родных, ведь прошло всего несколько месяцев. Верно я говорю, сынок? У тебя ведь все в порядке там, где ты сейчас живешь?

– Моя тетя хорошо ко мне относится, – заверил Бен с виноватой поспешностью, от которой даже слегка задохнулся.

Врач держала Бена за запястье и смотрела на свои часы.

– Напомните-ка, чего ради меня вызвали? В данный момент он в полном порядке.

– Его трясло как осиновый лист, когда я взял его за руку, – сказал полицейский, и Бен вспомнил, как побелели те листья. – Он дрожал от холода в такой день. Кроме того, как мне показалось, я видел тучу насекомых, кружившую вокруг него, пока я не подошел.

– Это были не насекомые, – возразил Бен.

Врач поглядела на него так, словно только что заметила.

– А-а-а, – протянула она и уставилась на его рот, пока он не догадался, что она ждет, чтобы он повторил за ней. – Шире, шире, – потребовала она и наконец посмотрела ему в глаза. – Что ты там говорил? – спросила она, нацеливая на Бена градусник так, словно собиралась резать им, как только услышит достаточно.

Пока она внимательно осматривала его горло, он решил сохранить тайну.

– Я не видел никаких насекомых.

– Они там были, сынок, целая туча. И улетели в лес, как только увидели мой мундир. – Врачу полицейский сказал: – Я просто подумал, что вам следует знать.

Она заставила Бена наклонить голову в одну сторону, затем в другую, словно изучая его шею.

– Подозреваете, что его покусали? Следов укусов нет. – Она сунула Бену в рот градусник и все время, пока не пришла пора его вынимать, постукивала по линолеуму подметками поношенных туфель. – Ничего у него нет. Слишком долго ехал, а потом бегал на пустой желудок, вот и все дела. Лично я бы прописала ему большую порцию пюре с сосисками.

Она со щелчком захлопнула свой потертый чемоданчик и бодро вышла из комнаты.

– А пирог и жареная картошка с подливой подойдут? – спросила у Бена женщина-полицейский.

– Да. – На него вдруг навалилась такая усталость, что воспоминания о встрече на кладбище начали ускользать от него, становясь нереальными, – такая чрезмерная усталость, что он даже забыл о хороших манерах. – Спасибо, – прибавил он, и женщина-полицейский потрепала его по голове.

Когда она принесла ему еду из ближайшей закусочной, он понял, что умирает с голоду, но при этом не в силах пошевелить налившимися свинцом руками. Ему вспомнился один неожиданный жаркий день, когда он чувствовал себя точно так же. Мама тогда посадила его себе на колени и кормила супом. Он помнил, как она то и дело наклоняла голову, чтобы поцеловать его в висок, и улыбалась, стараясь скрыть проскальзывавшую во взгляде тревогу. А он был такой сонный, ему было так уютно, что он был готов сидеть так вечно. На мгновение ему захотелось, чтобы женщина-полицейский заметила, как сильно он устал, и покормила его.

Однако она говорила по телефону.

– Врач признал его совершенно готовым к поездке, мэм. И при виде еды он приободрился... Уверяю вас, мы хорошо его кормим, мэм... Сюда уже едет человек из полиции округа, который доставит его к вам...

Когда Бен макал в подливку последний ломтик картофеля, прибыл этот самый полицейский из округа, долговязый, неулыбчивый тип, нижняя челюсть которого составляла не меньше трети его лошадиной физиономии, и еще Бен решил, что в своем кепи с длинным козырьком он похож на шофера.

– Как только будешь готов, – бросил он Бену.

– Не спеши. Нам не нужно, чтобы в довершение ко всему тебя еще и стошнило в полицейской машине, – добавила женщина-полицейский.

Она проводила Бена до машины и застегнула ему воротник, сказав полицейскому с лошадиной физиономией:

– Береги его. Он хороший парень, на которого свалилось слишком много горя, какого никто не заслуживает.

Бен был ей благодарен, хотя и не возражал против того, что водитель видел в нем всего лишь досадную помеху, с которой нет нужды разговаривать: пока он сидит без дела в тишине, наверное, сможет вспомнить, что именно произошло на кладбище. Машина бежала через вересковые пустоши за собственной вытянутой тенью, и Бену казалось, он оставляет позади частицу себя. Когда он обернулся на лес, солнце ослепило его. Он зажмурился и увидел сияющую кляксу, которая разрослась, потемнев. Ему показалось, что солнце выжгло его воспоминания, которые он так и не смог ухватить в полной мере. Он прикрыл глаза ладонью, пытаясь вспомнить, но почти тут же заснул.

Он то и дело просыпался, словно от толчка. И каждый раз понимал, что воспоминания ускользают от него все дальше. Он начал думать, что уже лишился их, не удержав сразу. В моменты бодрствования он видел города, названий которых не знал, небо, расчерченное полосами заката, дорогу, которая, кажется, вела на край мира, и еще бульвар с фонарями, похожими на бетонных динозавров, чьи головы одновременно налились оранжевым светом на фоне темно-синего небосвода. Один раз его разбудил водитель, чтобы он пересел в другую полицейскую машину. Очнувшись от сна под чистым черным небом с сонмом мерцающих звезд, он на какой-то миг вдруг понял: все, что он не в состоянии уловить, – это секретное сообщение, предназначенное для него одного. Но потом миг прошел, и, как он ни старался противиться, его сморил сон.

Когда он очнулся в следующий раз, то понял, что полицейская машина стоит. С трудом разлепив веки, он увидел за стеклом дом тети. Небольшие спаренные дома с аккуратными садиками и припаркованными автомобилями окутывала темнота, приглушавшая свет уличных фонарей и будто льнувшая к нему. Он нащупал ручку двери и кое-как выбрался из машины.

Полицейский, которого Бен так и не смог вспомнить, уже нажимал на кнопку звонка. Бен увидел в окно, как его тетюшка вскочила со стула и тут же ухватилась за спинку, чтобы не упасть, – видно, заснула, дожидаясь его возвращения. Когда он, спотыкаясь, побрел по садовой дорожке между кустами, черневшими в ночи, тетя открыла входную дверь. Ее пружинистые темные кудряшки сбились набок, очки в роговой оправе сидели косо, а над воротником кардигана торчал выбившийся ярлычок. Она скорбно поглядела на Бена и скрестила руки на груди.

– Никогда больше так не делай, если не хочешь моей смерти, – произнесла она.

Глава третья

Сначала Бену показалось, что она преувеличивает. Она поблагодарила полицейского и проследила, чтобы тот закрыл за собой калитку.

– Иди наверх, – вот и все, что она сказала Бену, взмахивая руками, словно от этого он мог бы взлететь на второй этаж.

Держась за перила, он дотащился до ванной комнаты, где крышка унитаза была замаскирована белыми перьями, в полусне принялся чистить зубы и понял, что таращится на свое отражение в зеркале. Собственное худощавое лицо показалось нереальным, словно маска: голубые со стальным блеском глаза запали от усталости, бледный рот с искусанными губами разделяла ровно пополам тень от острого носа, светлые волосы с серебристым отливом топорщились во все стороны над большими ушами. Он все еще размышлял, что же должно означать это зрелище, когда в ванную торопливо вошла тетя, чтобы его причесать. Расческа скребла по коже и дергала за волосы, но даже это не помогло взбодриться. Он поплелся в свою комнату, кое-как застегнул пижаму, забрался под одеяло, и его веки сомкнулись раньше, чем голова коснулась подушки.

Его разбудили полуденное солнце и хриплое пение большой шарманки. Он прикрыл глаза рукой, наслаждаясь неспешным возвращением в реальность и ощущением, что можно валяться так сколько угодно, понемногу узнавая в этих звуках мелодию фургона с мороженым. Она понемногу затихала, удалялась, наконец угасла, словно искра, и только тут он осознал, что не слышит в доме свою тетю.

Он вскочил, оттолкнувшись от кровати с такой силой, что затряслись руки, и бросился вниз по лестнице, в надежде, что его громкий топот вызовет ответ с ее стороны. Ее не оказалось в кухне, только плита и металлическая раковина сверкали, как будто она наредила их минуту назад; ее не было в столовой, только черные стулья стояли, выпрямив спинки, вокруг пустого черного стола, над которым висели в рамках коричневатые фотографии с морскими видами Норфолка; ее не было и в гостиной, только радиоприемник застыл на вершине вращающейся книжной полки.

Обычно этот приемник, сделанный из грязно-белого пластика, напоминал Бену тостер-переросток, но сейчас он как будто превратился в воплощение той тишины, что стояла в доме, – ему представилось сердце, переставшее биться. Он во все глаза смотрел на приемник, боясь пошевелиться, когда сверху послышался звук: придушенный всхрип, вдруг оборвавшийся.

Должно быть, она тоже проспала, как и он. Ему не полагается заходить в ее спальню, но она же не станет возмущаться, если он принесет ей чашку чая. Он поставил чайник в раковину, послушал, как звон струи из-под крана становится все глуше. Проследил, как закипает чайник, и схватил его за ручку, как только крышка начала подрагивать, залил кипятком ложку чая в заварочном чайнике, заставив себя терпеть, когда пар обжег пальцы. Наверняка она уже не так сильно на него сердится. Он пошел наверх, поднимаясь на каждую ступеньку с одной и той же ноги, чтобы не расплескать наполненную до краев чашку на блюдце, и добравшись до двери тетушки, робко постучал по косяку. Когда на его долгий стук не последовало ответа, он опустил чашку с блюдцем на пол и чуть приоткрыл дверь.

В этой комнате было теплее, чем у него, словно ее убранство – стеганое одеяло, свешивавшееся с обеих сторон кровати до самого пола, маленькие подушечки на туалетном столике, ошетилившиеся шляпными булавками, мягкое кресло, уставившееся на свое отражение поверх булавок, – источало собственный жар. Его тетушка свернулась клубочком под стеганым одеялом, отчего казалась сейчас меньше обычного. Лицо ее приобрело сероватый оттенок и расплылось из-за расслабленно отвисшей челюсти, по которой сползала струйка слюны. Бен не смог определить, дышит ли она.

Затем она всхрипнула и закрыла рот, ее веки дрогнули, открываясь. Увидев Бена, она тут же села на кровати, завернувшись в одеяло и торопливо утирая подбородок тыльной стороной ладони.

– Тетя, я заварил тебе чай, – с запинкой пробормотал он.

Пока он донес чашку до кровати, она успела накинуть на себя кофточку и надеть очки. Ее примятые кудряшки понемногу расправлялись, но лицо все еще выглядело более серым, чем обычно.

– Оставь на маленьком столике, – сказала она, когда он попытался дать ей чашку на блюдце прямо в руки. – Будь хорошим мальчиком, ступай к себе, пока я не встану.

Возможно, она еще не до конца проснулась и поэтому говорила как-то невнятно, но его это напугало.

– Тетя, ты хорошо себя чувствуешь?

Она поднесла руку ко лбу, словно определяя температуру у себя самой.

– Надеюсь, теперь уже да. Но не смей больше расстраивать меня так, как это было вчера, ты меня понимаешь?

– Я больше никогда не буду, – пообещал Бен и вышел из спальни.

Если она умрет, он останется совсем один, и куда ему тогда идти? Чтобы отвлечься от подобных мыслей, он принялся прибирать в комнате, расставляя в ряд на подоконнике модели машинок, которые неизменно получал в подарок на Рождество с тех пор, как ему исполнилось три года. В памяти возникли морозные узоры на окнах и искры от горящей оберточной бумаги, улетающие в дымоход.

Он отнес вниз, в гостиную, стопку своих книг. Развязал бечевку, и книги как будто с облегчением расправили обложки: и сказки Андерсена, подаренные отцом, и ежегодные сборники библиотеки приключений от тетушки. Самой лучшей из них, потому что до сих пор оставалась совершенной загадкой, была последняя книга Эдварда Стерлинга «О полуночном солнце».

Он только начал переворачивать страницы, когда в комнату спустилась тетя.

– Не заталкивай в мой книжный шкаф слишком много томов, а то он потеряет вид. Мы же не хотим, чтобы люди подумали, будто наша мебель куплена на распродаже? – сказала она и нахмурилась при виде книги в его руках. – А это что за старье? Не нужна она тебе. Там наверняка полно микробов.

Бен пожал плечами.

– Но, тетя, она мне очень даже нужна. Ведь эту книгу написал прадедушка. А дедушка подарил мне и сказал, что нужно время от времени пытаться ее читать, пока не откроется смысл.

– В ней нет никакого смысла, Бен. Хорошие мальчики должны читать такие книги, какие я тебе подарила. А в этой нет ничего, кроме сказок, сочиненных людьми, которым понадобился Эдвард Стерлинг, чтобы их записать, потому что сами они не умели. Мерзкие сказочки, некоторые похожи на Ганса Андерсена, только еще хуже. И примерно из тех же краев. – Она протянула руку, и он заметил, что та у нее слегка дрожит. – Если эта книга так тебе дорога, я сохраню ее. И это будет особый тебе подарок, когда я решу, что ты уже достаточно взрослый.

– Но ее можно поставить в шкаф, чтобы я видел? Она напоминает мне о деде.

Его тетушка силилась совладать с чувствами.

– Теперь мне кажется, что я напрасно потратила деньги, покупая для тебя книжки, – проговорила она и с трудом вышла из комнаты.

К обеду ей, похоже, удалось взять себя в руки. Они, как и обычно, ели рагу из мяса и овощей – она часто повторяла Бену, что эта пища именно то, что требуется растущему мальчику. Как и обычно, на запах рагу было куда лучше, чем на вкус, словно тот весь растекся по воздуху. Бен делал вид, что ему нравится, и после нескольких глотков произнес:

– Я люблю, когда ты покупаешь мне книги, тетя. И я их читаю.

– В самом деле? Честно говоря, идея была не моя. Твоя мать считала, что книги могут направить твои мысли в правильное русло. – Она подцепила на вилку овощное месиво и взглянула на Бена, опустив ее на край тарелки. – Постарайся понять, Бен: мне это тоже нелегко. Одно дело, когда ты время от времени приезжал погостить на недельку, но мне и в голову не приходило, что я после стольких лет одиночества буду жить вместе с другим человеком, пусть даже и вместе с таким хорошим мальчиком, как ты. Не подумай, что я жалуюсь, просто дай мне время, чтобы привыкнуть, хорошо? Я понимаю, что никогда не смогу заменить тебе мать, но если я могу чем-то тебя порадовать, в рамках разумного, не стесняйся об этом попросить.

– В таком случае, можно мне взять одну фотографию из тех, что ты привезла из нашего дома?

– Разумеется, можно, Бен. Ты хочешь взять какую-нибудь, где ты с мамой?

Бен проглотил еще немного рагу, однако это не помогло ему удержаться от вопроса.

– Тетя, почему ты не любила моего отца и его родных?

Она закрыла глаза, словно его взгляд обжигал ее.

– Ты прав, Бен, я сказала глупость. Я найду фотографию, на которой вы все вместе.

– Но за что ты их не любила?

– Наверное, я тебе расскажу, когда ты повзрослеешь.

Бен решил, что она винит их в смерти своей сестры. Если он будет настаивать на ответе, она передумает отдавать ему фотографию. Позже, когда он убирал со стола, она поднялась к себе в комнату и задержалась там надолго – Бен уже испугался, что она решила ему отказать. Наконец она вынесла ему фотографию, на которой он был запечатлен младенцем на руках у матери.

– Твои крестины. Это я уговорила твою мать тебя крестить.

Отец то ли поддерживал мать Бена, то ли сам опирался на нее – вид у него был такой, словно ему хочется утереть блестящий от пота лоб. Летняя жара, из-за которой пожухли листья на деревьях во дворе перед церковью Святого Христофора, явно обессилила и бабушку с дедушкой. Все они, даже тетя, улыбались не слишком весело, словно устав дожидаться, пока вылетит птичка. Бен глядел на фотографию с ощущением, что каким-то образом упускает суть происходящего, пока тетя не обняла его, обдав ароматом лавандовой воды.

– Если будет нужно, ты всегда можешь поговорить со мной о них, – заверила она. – Ты ведь убежал, потому что я не оставила тебе времени, чтобы как следует попрощаться, да?

Вопрос прозвучал буднично, однако Бен почувствовал, с каким напряжением она ждет ответа:

– Да, тетя, – согласился он, не в силах решить, какую часть правды можно открыть. – Как ты думаешь, что с ними со всеми случилось? Никто мне так и не объяснил.

– Беспечность, Бен. Что там еще могло случиться, среди бела дня посреди ничего. Никогда не отвлекай человека за рулем. – Она взяла его руки в свои теплые, пухлые, немного морщинистые ладони. – Слава богу, ты в ту неделю гостил у меня. Мы не можем вернуть никого из них, зато мы сделаем друг для друга все, что в наших силах, правда? А теперь пора спать. И не спорь, тебе завтра в школу. Хорошая я была бы опекуном, если бы позволяла тебе нарушать режим.

Уже лежа в постели, он позвал ее. Она позволила ему остаться под одеялом, а сама опустилась на колени рядом с кроватью и вместе с ним прочла молитву. Ее мольбы об упокоении их душ еще звучали у него в ушах, когда она подоткнула ему одеяло, плотно, словно спеленала. Почему-то мысль о вечном покое потянула за собой воспоминание, как отец нес его на плечах, и ему казалось, он может срывать звезды с их черного ледяного ложа, откуда они уже и сами падали, оставляя в ночном воздухе блестящие мазки. Конечно же шел снег, и было странно, что отец несет его в лес в такую ночь, в самую чашу, откуда уже были не видны огни Стар-

грейва. Куда же нес его отец, что Бен весь дрожал в предвкушении? Разум Бена словно съежился от воспоминания, а вскоре путаница мыслей, похожих на наложившиеся друг на друга радиоволны, унесла его в сон.

Он проснулся в темноте, понимая, что ночь в самом разгаре. Его разбудила одна мысль – мысль о том, что темнота, или нечто, таившееся в ней, хочет ему что-то сообщить. Он лежал, глядя в потолок и пытаясь вспомнить, что же от него ускользнуло. Уж это точно не из тех тайн, до которых ему нужно еще дорасти. Это напомнило ему о последней книге Эдварда Стерлинга, о дедушке, который рассказывал, как Эдвард Стерлинг, желая закончить книгу, отправился далеко в ледяные пустоши под полуночным солнцем, и из этого безымянного места его пришлось выносить на руках, скорее мертвого, чем живого, и он скончался в Старгрейве, как только дописал книгу. «Что же он нашел там?» – хотел знать Бен.

Дедушка тогда пристально поглядел на него, больше похожий на собственное отражение в кривом зеркале – иссохший, бледный, с одеревеневшими руками и ногами, – и Бен подумал, что, наверное, Эдвард Стерлинг выглядел так же. «Однажды ты узнаешь», – ответил дедушка.

Бен весь подобрался, словно пловец перед прыжком в воду, и быстро выскользнул из кровати. Тетушка храпела так громко, что наверняка крепко спала. И все же он не стал включать свет на лестнице, спускаясь на цыпочках в гостиную. Дом стоял в пятне темноты между двумя уличными фонарями, в домах напротив свет не горел, но он все же сумел разглядеть на полке книгу Эдварда Стерлинга, корешок которой был темнее остальных. Его пальцы сомкнулись на этом корешке из старинной кожи, и он уселся на корточки под окном за шторой.

Книга раскрылась на фронтисписе, где был помещен портрет иссохшего старика, сидевшего, скрестив ноги по-турецки, и бьющего ладонями в барабан. В полумраке его глаза были похожи на бусины из черного льда. Бену часто казалось, что его прадед, должно быть, один из волшебников, которым месяцами приходится бить в барабан, чтобы светило полуночное солнце, однако сейчас эти глаза привели его в смятение. Он принялся переворачивать страницы, всматриваясь в отдельные строки нерифмованных стихов, которые в книге назывались магической поэзией, но смысла ее он так и не смог постичь. Он подумал, надо бы включить свет, но тут же обнаружил то, что искал, – впрочем, звезды этой ночью светили достаточно ярко, чтобы читать. В самом деле, он начал различать отдельные напечатанные строки на страницах. Ему казалось, что свет сам тянется к нему. Он не знал, как долго просидел так, но был уверен, что вот-вот сможет разбирать слова и поймет вложенный в них смысл, когда услышал, как тетушка выкрикивает его имя.

Она неуклюже сбежала по лестнице, включив свет. Должно быть, она обнаружила пустую кровать, пока он был поглощен изучением книги и даже не услышал, как она встала. Когда она тяжело ввалилась в комнату, лихорадочно нащаривая выключатель, он вскочил на ноги.

– Тетя, я не мог заснуть. Я всего лишь хотел...

Он не знал, что еще сказать, впрочем, она, видимо, не слушала: с посеревшим лицом она уставилась на книгу у него в руках, словно та была красноречивее всех его слов. Он поставил книгу на полку рядом со сборником из библиотеки приключений и двинулся к двери, и тетушка отступила в сторону, словно тюремная надзирательница.

Терзаясь угрызениями совести, что снова расстроил ее, он не смог заснуть до самого рассвета, однако она, явившись утром будить его в школу, улыбалась, словно новый день перечеркнул все ночные события. Ему сразу стало лучше, раз ей хорошо. Если она так переживает из-за того, что он читает эту книгу, он дождется, пока тетушки не будет дома.

Однако этим же вечером, когда он прокрался в гостиную, чтобы тайком взглянуть на портрет шамана с барабаном, оказалось, что в шкафу стоят только тома библиотеки приключений. Он побежал в кухню, где тетушка нарезала овощи.

– Тетя, где моя книга?

Она поглядела на него без особого интереса, что нисколько его не обмануло.

– Знаешь, Бен, я как-то не подумала. Заходила женщина, просила книги на благотворительность, и мне не захотелось отпускать ее с пустыми руками. Но это ведь неважно, у тебя же есть фотография, которую я тебе дала. А то была всего лишь старая книга.

Глава четвертая

Следующие недели тетушка пыталась загладить свою вину перед Беном. По субботам, когда они отправлялись за покупками, она показывала ему самые старые части Нориджа с мощеными булыжником улочками, где стоявшие в полном беспорядке дома, казалось, вот-вот скатятся с холма. По воскресеньям после церкви она часто возила его на побережье, где на каменистых пляжах пыталась играть с ним в футбол или гуляла вместе с ним вдоль утесов, чьи обращенные к морю бока осыпались под ветром мелким песком. Как-то она отправилась с ним к самой высокой точке побережья, на заметно выдающийся холм в Шерингеме, возносившийся на несколько сотен футов над морем. Бен созерцал травянистую равнину, почти такую же ровную, как море, и мечтал, чтобы завтра уже наступило, потому что он придумал, как ему достать копию книги. Отец одного из его одноклассников держал книжный магазин.

Мальчика звали Домиником, а больше Бен не знал о нем почти ничего. Кажется, у того не было близких друзей, во всяком случае, в их число точно не входили ни Питер, ни Фрэнсис, ни Кристофер, позволившие Бену играть вместе с ними в их игры. Питер с Фрэнсисом колоутили друг друга по несколько раз на дню и корчили друг другу рожи на уроках, пытаясь рас-смешить одноклассников и навлечь на тех наказание. От чего Кристофер спас Бена в первый день в школе, когда замаскировал приступом фальшивого кашля его смех, а Фрэнсис на следу-ющий день раскусил шоколадный батончик на две части и предложил Бену кусочек поменьше, блестящий от слюны. Бен проглотил подношение вместе с чувством брезгливости, и с этого момента считалось, что они вчетвером друзья. Но Бен не позволит этому обстоятельству поме-шать знакомству с Домиником.

В понедельник тетушка как обычно отвела его в школу, хотя в Старгрейве он благопо-лучно добирался до школы сам. Она сказала: «Старайся», и когда он попытался ускользнуть от нее в ворота, шлепнула его по задку – ей казалось, что подобный жест смутит его меньше, чем поцелуй на глазах у одноклассников. Июльское солнце нагревало макушку и отражалось от приоткрытых окон школы, пока он махал тетушке вслед, а когда она скрылась из виду, Бен прошел через вымощенный булыжником двор, запруженный учениками.

Доминик стоял перед входом для мальчиков и мурлыкал что-то себе под нос, сунув руки в карманы мешковатых шортов и уставившись на свои ботинки, которые выстукивали ритм его мелодии, какого-то приджазованного церковного гимна, от которого у него даже сползли носки. Лицо у него было как будто только что растерто махровым полотенцем, корот-кий широкий нос и крупный рот терялись на фоне высокого лба, над которым стояли торч-ком медно-рыжие волосы, напомнившие Бену зачищенный провод. До Бена вдруг дошло, что Питер, Фрэнсис и Кристофер наблюдают за ним, и он выпалил единственный пришедший на ум вопрос:

– Тебя Доминик зовут?

Доминик глядел на свои ноги, переставшие отбивать ритм.

– Хочешь поиздеваться?

– Нет, а с чего бы?

– Просто подумал, что ты мог бы. – Доминик наклонился, чтобы подтянуть носки. – Ты мог бы сказать «Никидом» или «Нодиким». Хотя, мое любимое «Модиник». Похоже на название какого-то лекарства. – Он распрямился и поглядел куда-то мимо Бена, словно ему не нравилось то, что он видит перед собой. – В таком случае, чего ты хочешь?

– Твой отец продает книги, верно?

– А твой кормит червей.

Бен разинул рот, не зная, что на это ответить.

– Когда мы в классе рассказывали, чем занимаются наши родители, мистер Болгер освободил тебя от задания, – продолжал Доминик, – но мне интересно, что бы ты ответил.

Бен закусил губу и понял, что, хоть он и пытается сдержать свои чувства, это вовсе не горе. И вдруг эти чувства выплеснулись из него так бурно, что ему пришлось утереть рот:

– Наверное, я бы сказал, что они лежат в могиле.

На лице Доминика отразилось такое потрясение, что Бен зашелся от смеха. На этот раз было почти не больно, почти отпустило.

– И что бы сказал на это мистер Болгер, – в радостном предвкушении продолжил Доминик.

– Он бы сказал... – тут Бен заговорил, понизив голос: – «Да как ты смеешь осквернять мою классную комнату подобными выражениями, ма-альчик?»

Доминик засмеялся, по крайней мере, закивал головой, растянув губы, что означало веселость.

– Так что ты там говорил насчет книг? Ни разу не видел никого из вашей шайки в нашем магазине.

– Я не в шайке, – возразил Бен и обернулся, чтобы проследить за взглядом Доминика.

Питер и остальные стояли у него за спиной: физиономии надутые, глядят угрожающе.

– Над нами ржете? – спросил Питер у Доминика.

– Только над учителем, – ответил Бен. – Мы разговариваем. Это личное.

– Тогда, может, пойдете в девчачий туалет? – предложил Фрэнсис, всплеснув руками.

– Да о чем тебе с ним говорить? – угрюмо поинтересовался у Бена Кристофер. – Он считает себя лучше всех только потому, что его отец – тупой лавочник.

– Он не тупой, он книгами торгует. Это ты тупой, если так думаешь. Мой прадед когда-то писал книги.

– Ах, простите, ваша светлость, – хмыкнул Питер, низко кланяясь.

– Ваши светлости, – подхватил Фрэнсис и повторил погромче, словно призывая всех оценить его остроумие.

Кристофер нагнул голову, как будто собирался боднуть Бена.

– Смотри, кого ты тупым называешь.

– А я смотрю.

Кристофер толкнул Бена, прижав к стене, а потом, когда в двери появилась учительница, с важным видом удалился в сопровождении своих прихвостней.

– И что же писал твой прадед? – спросил Доминик.

– Собирали старинные легенды и все, что не было записано раньше. И я хотел, чтобы ты спросил у своего отца, издадут ли еще одну из таких книг. Эдвард Стерлинг, «О полуночном солнце».

– Что, моему отцу отложить ее для тебя, если у него есть?

– Лучше сначала скажи мне, сколько она будет стоить, – ответил Бен, но тут учительница дунула в свисток, требуя, чтобы все построились, и он закрыл рот, чтобы она не услышала, как он болтает после свистка, и не отправила его к директору, мистеру О'Тулу.

Когда его класс зашел в здание, ботинки Бена, купленные ему теткой к новому учебному году, по-мышьиному запищали по линолеуму, и он увидел, как стоявший в коридоре директор наклонил голову— этим жестом он все время напоминал Бену оскалившуюся лошадь. Пока класс маршировал к месту назначения, Бену казалось, что жара, запах вымытого пола и тошнотворно зеленая краска со стен сплетаются внутри него в единое целое. В голове так сильно пульсировало, что он с трудом расслышал, что говорит ему мистер О'Тул:

– Я бы смазал их на твоём месте, тогда они бы так не скрипели.

– Да, сэр, – с запинкой промямлил Бен, ощущая себя отрезанным от всех остальных, уязвимым и сгорающим от стыда.

Они только что прошли мимо директора, и Бен чуть не споткнулся, когда Доминик у него за спиной пробормотал:

– Прикол, при-кол.

Бен едва не задохнулся от смеха и ужаснулся сам себе. Он не посмел обернуться, но улыбнулся Доминику, когда они проходили мимо рядов складных сидений в актовом зале. Пока мистер О’Тул громогласно читал молитвы перед залом, полным детей, а учителя с мольбой поглядывали на них, Бен больше не чувствовал себя одиноким. В классе он даже поднял руку, когда мистер Болгер задал вопрос, и отметил, что ладони у него больше не потеют.

Он был рад, что тетушка не спросила, с чего это он так доволен собой, – похоже, ей было достаточно самого факта. Ночью он никак не мог заснуть от предвкушения, словно был канун Рождества. Возможно, скоро он узнает, кого повстречал Эдвард Стерлинг за время своего последнего исследования и что они ему поведали. Но когда Бен торопливо вошел в школьный двор, даже не дожидаясь, пока тетушка скроется из виду, Доминик развел пустыми руками.

– Мой отец рассмеялся.

– В смысле?

– Он велел передать, жаль, что у тебя нет этой книги, он дал бы тебе за нее годовой запас карманных денег. Он позвонил своему другу, который торгует антикварными книгами, и тот сказал, что за всю жизнь не встречал ни единого экземпляра. С тем же успехом можно искать прошлогодний снег, так сказал мой отец.

Глава пятая

Зато у Бена появился в школе настоящий друг, чего никогда не бывало в Старгрейве. Тетушка позволяла ему оставаться у Доминика дома, куда заходила за ним, возвращаясь с работы в налоговой инспекции. Должно быть, она была довольна, что больше не приходится работать в обеденный перерыв и что у него в Норидже появился кто-то, кроме нее. Родители Доминика одобрили Бена, а вот ему понадобилось время, чтобы привыкнуть к ним. Миссис Миллиган то и дело предлагала ему перекусить без всякой системы, наверное, потому что мистер Миллиган находился в вечном движении: даже во время обеда он мог схватить книгу с буфета, со стула, с дюжины других предметов мебели, которыми были набиты комнаты маленького дома, и, расхаживая взад-вперед, словно актер на репетиции, принимался читать вслух.

– Вы только послушайте, – начинал он, поднимая к потолку широкое лицо и прикрывая глаза под кустистыми рыжими бровями. Он как будто не читал, а нюхал страницы, пока у матери Доминика не лопалось терпение, и она не набрасывалась на него, словно терьер на добычу: понадежнее упираясь в пол короткими ногами, она всем телом толкала мужа к столу, наклонив голову так, что подбородок сливался с крепкой шеей.

– Их мозгам пища нужна не меньше, чем их утробам, – слабо протестовал он, пока жена изымала книгу, ворчливо приговаривая:

– Не прививай детям свои манеры.

Когда Бен впервые пришел в книжный магазин Миллигана, он увидел, как тучный мужчина с портфелем, переваливаясь с ноги на ногу и спотыкаясь о булыжники, удирает от магазина, словно испуганный пингвин, а мистер Миллиган кричит ему вслед:

– Задержите этого человека, он зарабатывает несправедливым трудом! Где полиция? А ну-ка покажи им ту страницу, которую ты не хотел, чтобы я читал вслух, – загромыхал он, и коммивояжер перешел на неуклюжий бег. – Вот, никакого уважения ни к книгам, ни к людям, – сказал мистер Миллиган Бену, впуская его в магазин. – Можешь читать все, что способен осилить, при условии, если у тебя чистые руки.

Так Бен провел почти все лето. Он прочел все мифы, все легенды и фантастические истории, какие сумел найти, частично из-за того, что тетюшка не одобрила бы, а еще кое-что из научной фантастики, которой увлекался Доминик, и научная фантастика потянула за собой книги по астрономии. Исследования пространства и времени, фотографии далеких звезд и светящихся точек, о которых было доподлинно известно, что это скопления тысяч звезд, наполняли его благоговейным трепетом, граничившим с восторженным страхом. По временам он даже бывал рад, когда миссис Миллиган спасала его от размышлений, принося из дома миску хлопьев или сэндвич с омлетом. На мистера Миллигана тоже можно было положиться в этом смысле: он то зачитывал вслух какой-нибудь отрывок перспективным клиентам, то пытался отговорить покупателей заказывать книги, которые лично он не одобрял, то выуживал из их памяти имена авторов и названия, – все это в такие моменты, когда мысли Бена принимали уж слишком мрачный и темный характер.

Однако по вечерам в постели отвлекать его было некому, особенно с началом осеннего триместра, когда с каждым днем смеркалось все раньше. Уже скоро в воздухе стала ощущаться осенняя прохлада, и ему казалось, что лето не смогло предотвратить ее наступление, как дневной свет не может сдержать натиск ночи. Ночи все удлинялись, и у него было такое чувство, что темнота разрастается. Он не понимал, почему его так тревожат усиливающийся холод и темнота, он даже не был уверен, что ежевечерняя молитва перед фотографией семьи сильно помогает. Каждый вечер отражение неба в зеркале туалетного столика, на котором стояла фотография, делалось все темнее. Один раз ему показалось, что небо вовсе исчезло, не сумев сдержать наступление звездной пустоты, и тогда он молился изо всех сил.

Каждый вечер он выбирался из кровати, чтобы помолиться уже после того, как тетушка подтыкала ему одеяло, но он не подозревал, что она его слышит, пока она не повела его к отцу Флинну. В то воскресенье часы перевели назад, чтобы дать ночи лишний час. Может быть, по этой причине церковная служба показалась ему какой-то далекой, священник и его помощники неспешно совершали обряд, и их молитвы, как и ответы паствы, трепетали под арочными сводами, словно пойманные птицы. После мессы Бен попытался потихоньку удрать с церковного крыльца, однако тетушка заставила его подойти к священнику.

– Спасибо за прекрасную мессу, – сказала она.

– Все мы стараемся изо всех сил, мисс Тейт. – Святой отец до середины обнажил в улыбке мелкие ровные зубы и дежурно потрепал Бена по голове. – Но ведь не юному Бену это объяснять, верно?

Бен испугался, уж не догадался ли святой отец по его лицу, что во время службы он витал в облаках, и мысли в ужасе поскакали врассыпную: чудная служба в большой луже, месса-масса, массовое месиво...

– Хочу, чтобы ты знал: я восхищаюсь тем, как ты несешь свой крест, – сказал ему священник.

– На самом деле, отче, именно об этом мы бы и хотели поговорить, – сообщила тетушка Бена. – Об этой трагедии.

Лично Бен ни о чем не хотел с ним разговаривать.

– Мои двери всегда открыты, – заверил священник.

Наверное, зимой у него в доме ужасно холодно, подумал Бен, силясь сдержать усмешку, но никто на него не смотрел.

– После мессы я всегда пью чай, а это, как и все остальное в жизни, лучше делать в компании, – продолжал святой отец.

Дом священника находился в конце улицы, где стояли спаренные дома, разделенные садиками, и ряд невзрачных магазинчиков. Дверь им открыла престарелая экономка, чью жилистую шею украшало ожерелье с огромными бусинами, похожими на желуди.

– Еще одну чайную чашку, – беззаботно велел ей святой отец, – и, как мне кажется, нам понадобится стакан молока.

В гостиной, перед выложенным изразцами камином, в котором потрескивали угли, выстроился ряд из нескольких стульев, а перед ними стоял еще один. В углу комнаты под старым граммофоном возвышалась гора пластинок.

– Ты сядь сюда, – велела Бену тетушка, подтолкнув его к стулу напротив места священника, а сама присела на краешек соседнего с ним. – Надеюсь, вы сумеете все ему объяснить, отче.

– Полагаю, для того я и нужен. А о чем речь?

– Как и было сказано, о трагедии. Он еще не прожил ее, хотя никто этого от него и не ждет. Просто я слышу, как он молится за них, словно у него сердце разрывается. Господь же не хочет, чтобы дитя испытывало подобные чувства?

– Не стоит рассуждать о том, чего именно хочет Господь, мисс Тейт. Меня учили, что у нас может уйти целая вечность, чтобы лишь начать подозревать о части его намерений. – Священник кивнул на Бена. – Может быть, наш маленький солдат захочет рассказать нам своими словами, что именно он чувствует?

Он говорил таким тоном, будто предлагал Бену увлекательнейшее занятие, однако Бену вовсе так не казалось.

– О чем это? – смущенно уточнил он.

– Ну, что ты переживаешь с тех пор, как Бог забрал твоих родных к Себе.

Бену удалось облечь часть своих мыслей в слова:

– Я все время спрашиваю себя, куда они ушли.

– Ну, Бен, уж это-то, как мне кажется, хороший мальчик, который посещает католическую школу, должен знать.

– Речь идет о Чистилище, Бен.

– Ты же это знал, верно? И я уверен, ты можешь рассказать нам из своего катехизиса, что это означает.

Бен попугаем выдал ответ. Вероятно, тетушка почувствовала растущее в нем разочарование, потому что сказала:

– Маленькому мальчику трудно ухватить суть.

– Трудности даны для стойкости, мисс Тейт. Хочешь, Бен, я расскажу кое-что, что тебя удивит? Подозреваю, ты испытываешь примерно то же, что испытывал я в твоём возрасте. Видишь мою бабушку? Я потерял ее, когда мне было девять.

Он говорил о пожелтевшей фотографии в овальной рамке, которая стояла на каминной полке, и мысли Бена пустились вскачь.

– Я никак не мог понять, почему пожилая дама, никогда не причинявшая никому вреда, должна ждать целую вечность, пока ее пустят на Небеса, – продолжал святой отец.

Это точно было не то, о чем Бен старался не думать с момента аварии.

– Как вы считаете, она до сих пор там? – спросил он.

Его тетушка потрясенно ахнула, однако святой отец лишь снисходительно улыбнулся Бену.

– Этого нам знать не дано, верно? Если бы мы считали иначе, мы бы перестали молиться за родных, а этот как раз та работа, которую ждет от нас Господь на Земле: возносить Ему молитвы, чтобы наши возлюбленные поскорее отправились на Небеса.

Бен начал паниковать, потому что все это мало что значило для него.

– Но ведь у некоторых умерших людей на Земле нет никого, кто мог бы за них помолиться.

Святой отец сверкнул зубами, улыбнувшись тетушке Бена.

– Сообразительный парень. Прекрасно, что вы ведете его к вере! – Обратившись к Бену, он добавил: – Вот потому-то мы и молимся за все души в Чистилище, а не только за те, которые принадлежат нашим родным.

– Теперь тебе легче, Бен? – спросила тетушка таким тоном, словно он ободрал коленку. – Ты теперь знаешь, где твоя мама и все остальные, и ты знаешь, что помогаешь им.

Ничего подобного он не знал. Нельзя же, чтобы в Чистилище было больше душ, чем звезд на небе, но ведь мистер О’Тул сказал как-то на собрании школы, что из-за одного-единственного не упомянутого на исповеди греха придется остаться в Чистилище до конца времен. Если твои молитвы помогают даже тем покойникам, о которых ты понятия не имеешь, какой смысл молиться за своих отдельно? А если, молясь за своих поименно, ты сокращаешь их срок пребывания в Чистилище, это же совершенно несправедливо по отношению к тем, за кого некому молиться поименно. Подобное устройство поразило его своей неразумностью вплоть до полной бессмысленности, и это его ужаснуло.

Святой отец подался к нему почти доверительно.

– Наверное, ты пытаешься понять, ради чего столько страданий. Я угадал? Такой сообразительный мальчик, конечно, пытается. Так вот, Бен: что бы ни случилось с нами в этой жизни и после, какими тяжким ни казались бы испытания, как думаешь, встреча с Богом стоит того?

– Я не знаю.

– Я хочу сказать, если бы нам пришлось страдать, заслуживая награду, разве возможность целую вечность созерцать Бога не была бы наградой, превосходящей все мыслимые?

– Наверное, да.

Священник распрямился на стуле.

– Полагаю, пока что достаточно, мисс Тейт. Нашему молодому человеку будет о чем поразмыслить. Если все это покажется тебе слишком сложным, Бен, не стесняйся задавать вопросы. О, что тут у нас для хорошего мальчика? Похоже, это стакан молока.

Бен вежливо поблагодарил экономку священника и сосредоточился на молоке. Вопросов у него было хоть отбавляй, но он понимал, что ответы найдет не здесь. Должно быть, святой отец ошибается, он ведь сам сказал, что не знает намерений Бога. А если и церковь ошибается насчет смерти и того, что ждет после? Бен обдумал все это, и ему показалось, что отец Флинн еще больше отдалил его от его родных, отправив его семью еще дальше в неизведанную темноту.

В тот вечер Бен молился за них горячее обычного – про себя, чтобы не услышала тетя. Он молился сначала перед фотографией, а потом – лежа под одеялом, пока не уснул. Он то и дело представлял их себе в Чистилище, голых, извивающихся, словно насекомые, брошенные на раскаленные угли, и неспособных даже умереть. Он стискивал пальцы молитвенно сложенных рук, словно боль в них могла успокоить боль во всем теле, и молился так горячо, что переставал понимать слова. Когда видение наконец отступило, осталась только холодная темнота, которая как будто обещала успокоение.

Глава шестая

В канун Хэллоуина на улицах пахло туманом и сожженными листьями. Бен весь день чувствовал, что его окружают знаки, слишком таинственные, чтобы их истолковать: танец палых листьев на ветру; длинные тени в тех местах, где в ожидании зимы затаилась осенняя прохлада; словно налитое кровью солнце, которое вечерний туман утягивал вниз, за казавшиеся вырезанными из картона дома. Бен почти смог поверить, что предвкушение, какое внушили ему удлинившиеся ночи, было просто предпраздничным волнением, отражавшимся на лицах всех детей вокруг, но тогда почему же он так встревожен?

Миллиганы пригласили их с тетей провести праздничный вечер у них дома. После обеда тетя повела Бена по улицам, каждый раз крепче стискивая его руку, когда навстречу им попадались фигуры, облаченные в маски или остроконечные шляпы.

– Это просто дети в маскарадных костюмах, – бормотала она себе под нос, не подозревая, что лично Бена пугает, как бы они не подняли на смех его наряд: простыню, которую тетушка одолжила ему с большой неохотой и которую ему пришлось намотать на кулак, чтобы не запутаться и не упасть. Наконец-то они добрались до места, и в окне гостиной их приветствовала улыбающаяся тыква, а мистер Миллиган открыл дверь.

– Ого, у нас римский сенатор, – громогласно объявил он. – Вешай на крючок свою тогу, Бенний, и входи.

Из кухни выскочила миссис Миллиган с двумя фартуками и яблоком, от которого звучно откусила.

– Он больше похож на старого языческого жреца, – сказала она, но тут же добавила с жаром, отчего у нее даже выскочили изо рта крошки яблока: – На самом деле, ничего подобного, Бен. Ты лучшее привидение из всех, какие я видела сегодня. От одного взгляда на тебя пробирает дрожь.

Она выдала им с Домиником фартуки, чтобы они могли вылавливать ртом яблоки, плававшие в тазике для мытья посуды, который стоял в комнате на банном полотенце. От воды и яблока, которое Бену в итоге удалось ухватить зубами, пахло мылом и еще свечами, освещавшими комнату. Позже миссис Миллиган подала на большом овальном блюде сосиски, торчавшие из сугроба картофельного пюре, а за сосисками последовали остроконечные кексы, изображавшие крысиные морды, из которых пришлось выдергивать несъедобные усы. Тетушка Бена с несчастным видом поглядывала на тени сосисок, лежавшие на скатерти, словно скрюченные в угрожающем жесте пальцы, а к крысиным кексам она даже не притронулась. Миссис Миллиган убрала со стола и вернулась в комнату – ее тень вздымалась у нее за спиной, словно часть темноты из коридора решила присоединиться к их компании.

– Пора рассказывать истории, – объявил мистер Миллиган.

– Ничего неподобающего, – предостерегла тетушка Бена. – Ничего такого, от чего прибиваются седых волос.

– Расскажи о человеке, который нашел на пляже в Феликстоу свисток, – предложил Доминик.

Мальчики устроились по бокам от камина, спиной к огню, и Бену казалось, что прохладные изразцы не дают волнам жара схватить его. Мистер Миллиган рассказал о свистке, который вызывал призрак в саване, но когда призрак перегородил герою рассказа единственный выход из его спальни, оказалось, что в саване никого нет. Бен завороченно слушал, и ему казалось, он сидит у ног великанов с освещенными огнем лицами, чьи тени то сливаются, то расходятся, то переползают на потолок, куда их влечет подвижный сгусток еще более глубокой черноты. Когда мистер Миллиган договорил, позволив герою выскочить из комнаты, Бен услышал, как тетя тяжело вздохнула, не одобряя.

– Мальчики, это просто выдуманная кем-то история. Ничего такого в жизни не бывает, – сказала миссис Миллиган, чтобы успокоить ее.

– И так ясно. Зачем об этом говорить, – недовольно буркнул Доминик.

– Лично мне кажется, что такое вполне могла сочинить твоя мать, – сказала Бену тетя.

– А вы знаете какие-нибудь истории, Берил? – поинтересовалась миссис Миллиган.

– Если вы имеете в виду о сверхъестественном, таких историй полно в Библии.

– Теперь очередь Бена, – заявил Доминик.

Бен подумал, что Доминик, возможно, хочет таким образом усилить царившее в комнате напряжение, впрочем, ему было все равно. Его охватило необычайное волнение, словно рассказ мистера Миллигана разбудил спавшую внутри него историю.

– Я попробую, – сказал он.

– Нам уже скоро пора уходить, – встала тетушка.

– В таком случае, Бен, занимай место рассказчика, – предложил мистер Миллиган, уступая ему свое потертое кресло.

Бен глядел на пламя, и ему казалось, что он сидит у костра, а темнота у него за спиной огромнее целого мира. История, которую он собирался поведать, чтобы узнать ее самому, вроде бы сконцентрировалась в нем, однако он не знал, с чего начать. Мистер Миллиган принес из соседней комнаты стул и уселся рядом с камином.

– Попробуй начать с «давным-давно», Бен.

– Давным-давно... – начал Бен и ощутил, как от этой фразы оживает сказка. – Давным-давно на краю самого холодного места на свете жил один мальчик. А было там так холодно, что лед не таял никогда, с тех пор как в мире вообще появился лед. Отец мальчика каждый день ходил на охоту, а мальчик с мамой поддерживали огонь в кострах, постоянно горевших с незапамятных времен, потому что если угасал хотя бы один костер, духи, обитавшие за пределами пламени, пытались спуститься с гор, где они жили среди льдов, и миновать защищенный кострами перевал, чтобы поработить весь остальной мир. Отец мальчика рассказывал ему, что однажды отец его отца, когда был маленьким мальчиком, едва не дал одному костру догореть и увидел, как приближаются духи. Их глаза были, как лед, который никогда не тает, а дыхание каждого было подобно снежной буре, а звук их шагов был такой, словно весь снег, лежавший до самого горизонта, закрипел разом. От одного лишь взгляда на них его собственные глаза начали превращаться в лед. Но в тот раз отец прадеда выхватил пылающую головню из соседнего костра, отогнал духов и бросил головню в почти догоревший костер, после чего они никогда не позволяли пламени угасать.

Да, слушать тот рассказ было страшно, но все-таки мальчику хотелось бы увидеть хотя бы одного из этих духов, просто чтобы знать, как они выглядят. Рассмотреть вершины гор не удавалось из-за тумана и костров, кроме того, родители, замечая, что он всматривается в горы, каждый раз колотили его. А потом в один прекрасный день мать сказала, что скоро у нее будет ребенок, и ему придется поддерживать огонь самому до тех пор, пока ребенок не родится, и она заставила мальчика дать слово, что он не позволит ни одному костру догореть и не станет ни на минуту вглядываться в пространство позади них...

Его тетушка неловко заерзала на стуле, когда он заговорил о рождении ребенка, но рассказ продолжался: Бен не меньше Миллиганов жаждал узнать, чем все закончится.

– В тот день, когда мать отправилась к себе и легла в постель, мальчик поднялся до зари и принес дрова, которые они с отцом натащили из леса заранее, а затем он развернулся к кострам спиной и оборачивался лишь время от времени, посмотреть, не нужно ли подкинуть еще дров. Он наблюдал, как его тень разворачивается вместе с движением солнца, и когда она сравнялась высотой с деревом, он услышал позади себя голос. Голос был похож на треск льда, брошенного в костер, – подобный звук часто слышали в той местности, однако мальчик понял, что это именно голос, потому что тот звал его по имени. И он побежал за дровами и подбросил

их в костры, и он не глядел по сторонам, а только в огонь, пока его отец не вернулся с охоты. Однако он не рассказал отцу об услышанном, потому что боялся, что тот поколотит его, раз он позволил духу подойти так близко.

Ночью мальчик то и дело вскакивал проверить, не угасает ли какой-нибудь из костров, потому что и отец, и мать крепко заснули, утомленные ожиданием ребенка. А на следующий день мальчик снова поднялся до зари, чтобы поддерживать огонь. Он развел такие костры, что не мог подойти к ним ближе, чем на двадцать шагов, и не мог даже взглянуть на них. Поэтому он наблюдал, как его тень разворачивается на восток и становится даже длиннее, чем накануне, по мере того, как солнце движется на закат, а потом он услышал, как кто-то окликает его по имени из-за костров, и голос этот был похож на треск замерзающего потока. И он побежал в лес за дровами, и подкидывал их в огонь, пока пламя не сделалось таким жарким, что ему пришлось отойти на тридцать шагов, откуда он уже не слышал голос. Зато он чувствовал, как из-за стены пламени за ним следят ледяные глаза.

Мальчик мог бы рассказать обо всем отцу, потому что эти глаза были страшнее побоев, но, когда отец вернулся, неся на плечах оленя, у его матери начались роды. Она кричала всю ночь, и утром крики так и не затихли; поскольку мяса теперь хватило бы на целую неделю, отец остался с ней, и мальчику снова пришлось поддерживать огонь, хотя он совсем не спал накануне. И он развел такие высокие костры, что они могли бы растопить лед на горах, а потом наблюдал, как поворачивается его тень, и прислушивался к крикам матери, пока тень не сделалась такой громадной, что могла бы одним махом проглотить отца, ведь наступил самый короткий день в году, и солнце висело совсем низко. А как только солнце коснулось горизонта, мальчик услышал, как кто-то зовет его по имени голосом, похожим на грохот снежной лавины, и костры разгорелись так жарко, что он, как ни сопротивлялся, заснул.

Он проснулся только тогда, когда его затрясло от холода, и проснувшись, сразу же понял, что один из костров потух. Он кинулся в лес за дровами, однако от заготовленного запаса осталось всего одно полено, потому что все предыдущие дни он разводил такие огромные костры. Вернувшись с поленом обратно, он увидел, что костер не просто погас, но еще и покрылся слоем инея толщиной в палец.

И тогда он побежал к дому, чтобы рассказать обо всем маме и папе, но не услышал ни криков матери, ни пенья отца, утешавшего ее, – там было тихо, как в сугробе. Он заглянул в дом, и ему показалось, что там два белых медведя, которые сожрали его родителей, но на самом деле это и были его мама и папа, покрытые слоем инея, настигнувшего их, когда они пытались бежать. Единственным живым созданием в доме оказался младенец, белый, словно облачко. И мальчик вошел, чтобы забрать ребенка, но, когда тот открыл глаза, мальчик увидел, что они из льда. Он уже хотел убить младенца поленом, когда тот заплакал, и его дыхание было подобно снежному урагану неистовой силы; ураган взрезал на мальчике кожу и заморозил хлынувшую кровь, и последнее, что он увидел в жизни, – мир, покрывающийся белым саваном. Вот рассказ о том, что бывает, когда лед выходит из темноты...

Голос Бена затих. После долгого рассказа голова шла кругом, и теперь, когда он закончил, стало немного неловко. Он заметил, что огонь в камине почти догорел. Тут мистер Миллиган пришел в себя и подкинул в камин угля из ведерка, оживляя пламя.

– Вот это я понимаю, высший пилотаж, Бен, – произнес он. – На твоём месте я бы все это записал и попробовал опубликовать.

Тетушка Бена хлопнула себя по коленям и рывком поднялась с места.

– Собирайся, Бен. Я и так позволила тебе остаться дольше, чем следовало. С вашего позволения, я включу свет. А то ничего не видно.

Миллиганы еще шурились от яркого света, когда она уже принесла из прихожей пальто Бена и сунула его руки в рукава. Она ничего ему не сказала, пока Миллиганы не закрыли за ними дверь.

– Откуда ты это взял?

Она имела в виду его сказку.

– Мне дедушка рассказывал, – ответил Бен то, что больше всего походило на правду.

– Ладно, надеюсь, ты это забудешь. В твоём возрасте нечего увлекаться подобной чепухой. Тебе будут сниться кошмары – и мне, кстати, тоже. Ты уж меня извини, но я спрошу у твоего учителя, какие книги он порекомендует тебе читать.

– Мама с папой позволяли мне читать все.

– Насчет твоей матери я бы не стала утверждать наверняка, – ответила она и прибавила, смягчаясь: – Я ведь не смогу как следует о тебе заботиться, если буду постоянно за тебя бояться, понимаешь? Ты и без того пережил достаточно, и нечего забивать себе голову глупыми сказками. Будешь читать их, когда станешь старше, раз уж тебе так надо, но я уверена, что к тому времени ты их перерастешь.

Она ошибается, подумал Бен, и во многом, хотя он не смог бы сказать, в чем именно. Даже если она будет указывать ему, что именно читать, она не в силах добраться до историй у него в голове. А там были и другие, которые проявятся в нужное время, не сомневался Бен. Туман приглушал свет уличных фонарей, превращая пространство за ними в темную тайну, разгадать которую он не мог, даже подходя ближе. От этого зрелища, подкрепленного его размышлениями, он едва не задыхался в радостном ожидании. Может, и нет нужды искать последнюю книгу Эдварда Стерлинга. Может, он так часто перелистывал ее, что вся суть книги уже перешла в его сознание и дожидалась, пока он поймет.

Глава седьмая

В Ночь Гая Фокса небо раскрасили многоцветные огненные фонтаны, затмившие звезды. В магазинах уже продавалось все для Рождества, и витрины сверкали искусственным снегом, как обещание снега настоящего. В школе тоже начали рано готовиться к Рождеству, проявляя мало добросердечности, зато умножая число вопросов, на которые дети должны были отвечать без запинки, чтобы на них не наорали или даже что-нибудь похуже. Бена ждало первое Рождество без родителей, и он чувствовал, что его горе только и поджидает момента, чтобы выплеснуться наружу. В некоторые ночи, когда он молился перед фотографией, губы у него так дрожали, что он не мог даже шептать.

В оставшиеся до Рождества недели тетушка изо всех сил старалась утешить его. В первые выходные декабря она развесила по дому украшения, балансируя на верхней площадке стрелялки, которую Бен придерживал за ножки. Впервые в жизни она купила елку, норвежскую ель высотой с Бена. Та наполнила дом прохладным хвойным ароматом, и на ковре заблестели хвоинки, как от деревьев из Леса Стерлингов в их доме в Старгрейве, но все было не так, хотя Бен не мог определить, в чем именно. И платные Санта-Клаусы в универмаге: толстяк, чихавший так же часто, как хохотал, и худой, которому была велика борода, – никак не помогли воскресить радостное предчувствие, охватывавшее его в это время года в Старгрейве, хотя оба они гладили его по голове и бормотали что-то невнятное, как и положено таким Санта-Клаусам, когда он просил принести ему астрономический телескоп. Он знал, что это просто люди, наряженные так, как тот, кого не существует, но причина была не в этом – он еще на прошлое Рождество узнал, что Санта-Клаус ненастоящий.

Вскоре мистер О'Тул взялся готовить школу к праздникам. Когда вы будете открывать подарки и есть рождественские угощения, надрывался он, надо думать о Сыне Божьем, отправленном на землю страдать, потому что люди стали такими греховными, что никакая меньшая жертва не смогла бы искупить их грехи. Он утер слюну с губ большим носовым платком из грубой ткани и обвел актовый зал покрасневшими глазами.

– Неужели у вас нет души? – возопил он, едва не срываясь на визг. – Все подходит по очереди к яслям и думайте о благословенной матери Христа, которой предстояло увидеть своего единственного сына, подвергнутого бичеванию, увенчанного терновым венцом и прибитого к кресту, где он умер, испив уксус вместо воды. И я увижу слезы еще до окончания собрания, а если нет, я знаю, как их вызвать!

Если размером и формой напоминали кроличью клетку. Обложенную соломой колыбель окружали три одинаковых овечки из игрушечной фермы, два пластмассовых пастуха и Дева Мария с посеребрившимися от слоя пыли волосами. Над всем этим великолепием висела вырезанная из фольги звезда, один луч которой печально обвис. Колыбель и спеленатый младенец в ней были непомерно большими для такого окружения, и Доминик уверял Бена, что, если младенца посадить, он вякнет «ма-ма». Но сейчас, тащась мимо яслей, Доминик все-таки испытал тяжкий вздох.

– Достань носовой платок, мальчик, – проворчал директор вполголоса, похоже, не без зависти одоблив представление Доминика. Перед Беном оставалось всего три девочки, которые почти разом зашмыгали носами, и Бен вдруг понял, что окажется первым ребенком, не сумевшим заплакать, неспособным отреагировать на ясли, нелепое наполнение которых, похоже, было проверкой на силу веры. Но его испугало не столько это, сколько вид директора, сверкавшего глазами из-за яслей. Если то, что изображали эти ясли, было правдой, зачем же нужно, чтобы люди, подобные мистеру О'Тулу, запугивали других, заставляя верить? Как можно допустить, чтобы кто-то вытворял такое ради Него? Вопросы пугали его больше, чем директор, и он, к собственному изумлению, разрыдался, поравнявшись с яслями.

Сначала ему показалось, он просто оплакивает родных, понимая, что никогда больше не встретит Рождество с ними. Он помнил, как трещали хлопунки, когда вся семья, сидя за накрытым столом, взрывала их разом; как дедушка говорил: «За зиму», и все поднимали бокалы с вином; как он долгими вечерами сидел у камина на коленях у матери, пока они с бабушкой пели рождественские гимны, которые словно воплощали это время года, этот ледяной блеск бескрайней ночи над Старгрейвом и ветер, рвущийся с вересковых пустошей через лес и постукивающий в окна, – и он осознал, что наблюдает за самим собой со стороны. Вероятно, то был единственный способ справиться с сумбуром в голове. Ощущение было такое, словно он смотрит на ясли, на директора и на себя откуда-то с огромной высоты, куда не добираются его переживания. И эта новая ясность распахнула его разум, и он с обескураживающей живостью вспомнил, как учился ходить. Отец с дедом танцевали за пределами досягаемости, уводя его за собой все глубже в лес, и на их лицах отражались гордость и легкая тревога. Вся семья глядела на него точно так же, когда он начал понимать, что Санта-Клаус выдумка, но что за тайну он должен был постигнуть в лесу? Внезапный ужас, природу которого он не хотел уразуметь, вернул его обратно, он явственно увидел перед собой ясли, и на мгновение показалось, что в них источник его страха, а вовсе не успокоения.

Последние несколько дней школьного триместра Бену казалось, что нечто, которое он почти сумел уловить, следит за ним из засады на периферии его мыслей. Дни становились все холоднее, и то была не липкая промозглость тумана, а настоящий жестокий мороз, из-за которого ему казалось, что промерзшие кости отделяются от плоти, пока он топал от тетиного дома до школы. Бен старался отвлечь себя уроками и символической вечеринкой, которую мистер О'Тул устроил – явно под нажимом учителей – в последний день триместра, однако уроки казались такой же ерундой, как и эта вечеринка. Он сидел в бумажном колпаке, ел бутерброды, запивая лимонадом, играл в морской бой с Домиником в тетради в клеточку, чувствуя, что просто оттягивает неизбежное, и он боялся узнать, что же это.

– Радуйтесь Рождеству, – сказал им учитель, когда прозвенел последний звонок, – но не объедайтесь, а то не влезете потом за парты.

Некоторые одноклассники вручили Бену рождественские открытки, и Бен пожалел, что не догадался принести тоже, хотя бы для того, чтобы подольше задержаться в классе. Но тетюшка уже ждала его у ворот. Вдохнув поглубже и подняв воротник пальто, Бен заставил себя выйти из школы.

Тумана не было. Первая звезда низко висела в вечернем небе, как будто выкристаллизовавшаяся из глубокой синевы. Звезда ярко переливалась, чистое небо блестело как стекло, и он подумал, что синева вот-вот расколется, и на землю хлынет звездная ночь. Крыши домов и голые ветви деревьев казались вырезанными бритвой, и Бен решил, это знак: скоро все прояснится. Дома и деревья недвижно застыли на фоне неба, которое, кажется, сделалось плотнее, потемнев, и цепко держало верхушки крыш и концы ветвей, освещенные закатным солнцем. Пока они с тетей шли домой, залитые солнцем ветки посерели, и Бен вспомнил, что сегодня самый короткий день в году.

Когда тетюшка открыла входную дверь, вслед за ней внутрь ворвался поток воздуха. Бен услышал, как на ковер упали хвоинки, и принес из-под раковины на кухне веник с совком. Подметая еловые иголки, он увидел свое отражение в серебристом шаре на дереве: раздутая голова, плотно прижатая к коленям, – и решил, что похож на головастика, скованного льдом. Дедушку вечно приходилось умолять, чтобы тот согласился украсить елку, принесенную из Леса Стерлингов, – он был твердо уверен, что самой елки, и того, что она символизирует, достаточно.

Тетя подала на ужин рождественский пудинг с сосисками и поймала по радиоприемнику концерт, где исполняли рождественские гимны. После ужина, убирая со стола, она подпевала

последним гимнам, вроде бы надеясь, что Бен подхватит. Однако, когда он задолго до сна заявил, что хочет подняться к себе, она сказала лишь:

– Если понадобится, я здесь.

Бен не стал включать свет на лестнице, поднимаясь вверх, к звездам, светившим за окнами спальни. Он смотрел из окна на них, с трудом пронзавших черноту, в глубинах которой галактики кружили, словно снежинки. Эта чернота всего лишь намекала на бесконечную тьму, где мир людей был меньше пылинки. Он представил себе, что одна звезда движется в точности так, как об этом рассказано в рождественской истории. Мысль встревожила его, и он даже не хотел знать почему. Он включил в спальне свет и опустился на колени перед фотографией.

Но от молитвы не было толку – слова ничего не значили для него. Неужели директор школы лишил их смысла, или то был отец Флинн? Даже фотография пугала Бена, причем не столько замороженными улыбками женщин, сколько выражением, застывшим в глазах отца, и деда, и его самого. Он выключил свет, чтобы не видеть этих глаз, и вернулся к окну.

Мигнула одна звезда, за ней другая. На мгновение показалось, что какая-то из них точно сдвинулась с места. Тетушка внизу переключила приемник на юмористическую программу, которую они часто слушали вместе. Бен решил, она нарочно прибавила звук, в надежде выманить его из своей комнаты, но музыкальная заставка с тем же успехом могла звать его из другого мира, потому что он наконец понял, что движущаяся звезда на самом деле вселяет уверенность, ведь как бы там не было темно, холодно и пусто, похоже, бесконечности *не все равно*.

Ему казалось, он выпадает из этого мира. Бескрайняя тьма как будто тянулась к нему сонмом своих звезд, светом, казавшимся таким же безрадостным, как и пространство между ними, и, вероятно, родившимся раньше этого мира. Он решил, что способен ощутить, как свет движется к нему, немислимо быстро и все же медленнее снежинок, если учесть бесконечность времени. И он в один миг поверил, что директор школы прав: истина, которую воплощает рождественский вертеп, гораздо страшнее и удивительнее. Он заметил, что дрожит всем телом, и отпрянул от окна, потянувшись к выключателю. Но звездная тьма была и в зеркале, как и он сам, рядом с фотографией. Тьма таращилась на него его собственными глазами.

Это зрелище парализовало его. Он вспомнил глаза старика с барабаном из книги Эдварда Стерлинга, но почувствовал, что сейчас нечто куда более древнее – такое древнее, что от одной мысли об этом перехватывало дыхание, – глядит на него. Он не знал, сколько простоял, скорчившись перед зеркалом на столике и не замечая, что опирается всем весом на костяшки пальцев. Он нечаянно качнулся вперед, и зеркало затуманилось от его дыхания, вспыхнув искрами, словно звезды вокруг его головы осели на стекло. Ему показалось, что сам он только иллюзия, мелькнувшая на мгновение во всеобъемлющей тьме, пока он смотрел сквозь самого себя в черноту. Он боялся пошевелиться, но если стоять тут и дальше, он увидит то, что наблюдает за ним из лишенной света темноты.

Кто-то звал его по имени. Голос был слишком далеким, чтобы докричаться до него, но он его отвлекал. Это звала его тетя, остановившись у подножья лестницы и сиюсь перекричать музыкальную заставку в конце юмористической программы. Должно быть, она недоумевала, почему он так надолго застрял в своей комнате, хотя лично ему казалось, что время вообще не движется. Если он не отзовется, она отправится его искать.

И она найдет его в темноте, заворуженно глядящего на самого себя, и это ее убьет. Его побег в Старгрейв уже едва не убил, а если она увидит его в таком состоянии, не сомневался Бен, она как минимум перепугается. Подумав об этом, он содрогнулся от страха за нее и ободрал пальцы о грубую древесину. Дурацкая музыка замолкла, и он услышал, как тетюшка начала подниматься по ступенькам, с тревогой окликав его.

Руки в приступе паники одеревенели, но он сумел отпрянуть от зеркала. Хватая ртом воздух, кинулся к выключателю.

– Я здесь, тетя, – с запинкой выговорил он. – Задремал просто.

В следующий миг, испугавшись того, что она может увидеть, заставил себя снова развернуться к зеркалу.

Но там не на что было смотреть: только его собственное лицо и фотография, и ничего в глазах, лишь недоумение и угасающий страх, и вовсе ничего таинственного в лицах на фото. Если что-то и заставило его увидеть то, что он видел, теперь оно наверняка кануло обратно во тьму.

– Я уже спускаюсь, тетя, – крикнул он, сумев овладеть голосом.

Услышав, что она остановилась и в итоге начала спускаться обратно, он судорожно выдохнул. Он двинулся вниз по лестнице, как только сумел скрыть следы паники, убеждая себя, что Рождество значит для него все то, что значит для нее. Он больше не должен видеть такое, пожалуйста, Господи, ради нее.

Глава восьмая

Мейбел Бродбент уже запирала свой магазин в канун Рождества, когда прибежала дочка киоскера, такая печальная, что Мейбел спросила, чего она хочет.

– Всего лишь синие нитки, – ответила Анита так, словно незначительность ее покупки была волшебным «Сезам, откройся». – Я почти закончила вышивать рождественский подарок для мамы.

Мейбел невольно сжалась над ней. Она снова открыла магазин только для того, чтобы отыскать среди множества синих ниток нужный оттенок, образец которого Анита намотала на указательный палец, а деньги велела занести после праздников – дневную выручку она уже отправила в банк. Девочка убрала моток ниток в карман и привстала на цыпочки, чтобы неуклюже запечатлеть на щеке Мейбел поцелуй, пахнувший шоколадом.

– Счастливого Рождества, мисс Бродбент, – выпалила она.

– Похоже, у меня оно уже началось, милая. И тебе того же, – ответила Мейбел, а девочка пересекла площадь и побежала вверх по холму. Запирая магазин, Мейбел осталась на городской площади одна. Без торговых прилавков, которые еженедельно вырастали вокруг полуразрушенного каменного креста, та была гулкой и пустой. Плотнее обмотав шею шарфом и натянув перчатки, Мейбел бросила последний оценивающий взгляд на магазин с затемненной витриной – она, как и обычно перед Новым годом, поменяла там натюрморт из клубков шерсти и схем для вязания, – прежде чем отправиться домой.

Солнце уже село за вересковые пустоши. Над Старгрейвом и мрачным массивом Леса Стерлингов, на фоне желтоватого неба вырисовывались зубчатые контуры кряжа из песчаника. Магазины, разбросанные между террасами жилых домов на Рыночной улице, главной дороге через площадь, которая протянулась на полмили параллельно железнодорожным путям, были закрыты до следующей недели. Рядом со станцией местный риелтор с женой загружали горы сделанных в последнюю минуту покупок в самое большое в городе такси, пока предпоследний предпраздничный поезд, пыхтя, уходил на север. Мейбел остановилась у газетного киоска, чтобы купить пачку сигарет «Дю Морье» и пропустить стаканчик шерри, который киоскер предлагал всем покупателям в канун Рождества, после чего снова храбро двинулась в ночь, пока алкоголь согревал изнутри.

Газетный киоск был последней торговой точкой на главном шоссе. За ним стояли только несколько беленых домиков с террасами из грубого кирпича и просторными садами, стены которых украшали причудливые куски породы, принесенные их хозяевами с вересковых пустошей. По другую сторону железнодорожных путей тянулись акры вереска, отделявшие город от ферм, где, словно упавшая звезда, светилося одно окно. Домик Мейбел был последним перед железнодорожным мостом, но не последним в этой части города. Выше него, в нескольких сотнях ярдов по пустынной грунтовой дороге, которая отходила от главного шоссе рядом с ее садом, стоял дом Стерлингов.

Мейбел уже была у своей калитки, когда на шоссе показалась идущая из города машина. Положив руку на щеколду, Мейбел дождалась, пока фары автомобиля осветят погруженный в темноту дом. Ей была неприятна мысль, что какие-нибудь дети могут забраться туда, хотя у них в эту главную ночь года наверняка имелись занятия поинтереснее. Машина миновала поворот дороги, и свет фар сделался ярче, когда городские фонари остались позади. Поток света залил сад Мейбел и перетек на дом Стерлингов.

И дом, и лес над ним как будто выступили на шаг вперед. На несколько мгновений дом и блестящая масса деревьев сделались самым ярким в Старгрейве пятном. Мейбел всегда казалось, что этот высокий трехэтажный дом с крутой крышей и нависающей над ним короной из непропорционально больших дымовых труб как будто вырван из городского викторианского

пейзажа – словно ему не хватает чего-то для цельного образа, – но сейчас ее охватило пугающее чувство, что свет попал на здание как раз в тот момент, когда оно перешептывалось с лесом о чем-то тайном. Должно быть, потому что все шторы на окнах задернуты, решила Мейбел, однако она никак не могла отделаться от воспоминания о Бене Стерлинге и о том, как она не сумела вступить за него. Тени причудливых камней, выстроившихся на стене неухоженного сада, плясали вокруг дома, пока машина подъезжала к мосту, после чего темнота ринулась в занятое постройкой пространство. Подавив приступ дрожи, Мейбел торопливо зашагала по подъездной дорожке.

Она отперла дверь своего дома, и он приветствовал ее запахами полевых цветов, которыми она оплела овальное зеркало в прихожей и верх шкафа в передней комнате. Мейбел включила электрический камин в гостиной, где круглые коврики лежали идеальными островками снега на большом зеленом ковре. Рядом с креслом, в котором ее дожидался роман Агаты Кристи, она взяла стоявший на полу приемник размером с дамскую сумочку и настроила на Би-би-си, направившись в кухню, чтобы разобраться там с капающим краном.

Хотя Мейбел закрутила кран, приложив все свои силы, стоило ей подумать, что она справилась, как капля снова звонко ударила по каменной поверхности раковины, а потом ударила опять. Придется после праздников позвать кого-нибудь из работников Элгина, чтобы занялись краном. Пока разогревалось жаркое, она слушала, как по радио сытый голос, напоминавший о пудинге, читает Диккенса, и делала песочные корзиночки, укладывая слой теста в формочки, заполняя ягодной начинкой и накрывая крышкой из теста, не забыв наколоть ее вилкой. Такого количества хватит на всех, кто заглянет к ней в ближайшие дни: Эдна Дейнти с почты, Чарли, который работает на железной дороге, Хэтти Соулсби с мужем, за которых Мейбел молилась каждый вечер, сочувствуя их попыткам завести детей, а еще учительница-пенсионерка из дома по соседству, не говоря уже обо всех постоянных покупателях, которые неизменно приносили ей рождественские подарки. Она положила себе добавки жаркого, наслаждаясь ощущением отлично сделанной работы, когда порыв ветра пронесся со стороны дома Стерлингов, такой холодный, что всколыхнул тепло ее кухни, и такой свирепый, что скрипнуло окно.

Скрип был такой, словно перед домом выросло дерево. Мейбел, держась за край массивной каменной раковины, одним глазком выглянула в окно. Удалось рассмотреть только лужайку, испещренную ходами дождевых червей и ограниченную полосой вскопанной земли, где спали многолетние цветы, и еще беспокойно шуршавшую живую изгородь, к которой льнула ночная темнота. Мейбел покончила с ужином, когда по радио дочитали «Рождественскую песнь в прозе», после чего она выключила приемник, хотя кран по-прежнему капал, и закурила сигарету. Она дожидалась, пока испекутся песочные корзиночки, и глазела в окно на темный дом Стерлингов, и вдруг на нее нахлынули воспоминания.

Она никогда не возмущалась по поводу семейства Стерлингов, как многие другие в городе. Разве что в детстве они нагоняли на нее некоторый страх: каждый раз, когда их большая, покрытая пылью черная машина, напоминавшая катафалк, тихо скользила мимо сада, ее, даже в самый жаркий день, пробирал озноб при виде мужчин с тонкими острыми лицами и нереально светлыми волосами и женщин, которых как будто специально подбирали им в тон. Однако когда Мейбел стала старше, она решила, что они просто вырождающийся род. И если они потратили наследство Эдварда Стерлинга, чтобы, выполняя его завещание, насадить лес в память о нем вокруг той рощи, где он умер, – что в этом такого? Большинство жителей города, кажется, не одобряли того, что Стерлинги получили столько денег, не работая, но ведь теперь и отец, и сын преподавали философию в Лидсе. Принимая во внимание отношение к ним в Старгрейве, неудивительно, что все семейство держалось особняком. Впрочем, Мейбел не было дела до их образа жизни, по крайней мере, она так считала, пока бабушка Бена Стерлинга не начала захаживать в ее магазин.

В Шарлотте как будто сконцентрировалось все потрепанное величие Стерлингов. В тот февральский день она была в черном вельветовом пальто длиной до лодыжек, таком толстом, что руки казались раза в два пухлее, чем полагалось бы при таких хрупких запястьях. Она разматывала с головы несколько витков черного шарфа, забросив концы за плечи, и подошла к прилавку. Седые волосы были уложены в высокую прическу, закрепленную тяжелыми гребнями, кожа на вытянутом остром лице напоминала папиросную бумагу.

– Несколько катушек зеленых ниток, самых дорогих, с вашего позволения, – обратилась она к Мейбел с королевской учтивостью. – Это все, что у вас есть? В плотный пакет, спасибо. Пожалуйста, не утруждайтесь, – прибавила она, когда Мейбел попыталась отсчитать сдачу, несколько пенсов. Она набросила шарф на голову и стремительно удалилась, оставив Мейбел в таком изумлении, что та даже не рассердилась.

Через несколько недель Шарлотта пришла снова.

– Вы уже пополнили свои запасы? Надо мне было сразу пояснить. Я собираюсь регулярно приходить к вам за зелеными нитками высшего качества. А пока что покажите мне ваши белые.

– Должно быть, вы очень любите вышивать.

– Как оказалось, – коротко ответила Шарлотта.

Зато на этот раз она взяла сдачу, что положило начало общению. Она продолжала заходить в магазин, очень и очень постепенно проявляя свое расположение к Мейбел: однажды она сделала комплимент ее платью, в другой раз заметила, что хозяйка магазинчика, такая, как Мейбел, наверняка успела перевидать все типы людей. Ободренная таким отношением, Мейбел в итоге решилась спросить:

– А что такое объемное вышиваете?

Шарлотта поглядела на нее так пристально, что у Мейбел защипало в глазах от попытки выдержать этот взгляд. Наконец пожилая дама ответила:

– Когда закончу, мне бы хотелось, чтобы вы посмотрели...

Мейбел задрожала от холода и направилась к духовке, чтобы вынуть противень с готовыми корзиночками. Она задвинула внутрь последнюю партию пирожных и осталась стоять рядом с плитой, обхватив себя руками. Полупрозрачные морозные узоры незаметно расползались по стеклу. Мейбел торопливо зашла наверх, чтобы взять самую толстую кофту, а потом вернулась и уселась спиной к окну и к капающему крану. Ничто не прогонит ее из кухни, однако, пока она вспоминает Стерлингов, лучше не смотреть на их темный дом и еще более темный лес за ним.

Чуть больше года назад Шарлотта принесла ей свою вышивку, вынув из потертой черной сумки, достаточно большой, чтобы вместить целый кассовый аппарат. Оказалось, это вышитая сентенция, «БОГ ЕСТЬ ДОБРО», вставленная в тяжелую деревянную раму.

– Это для Бена, моего внука, – сообщила Шарлотта с какой-то мрачной гордостью.

Сентенция была окружена сложными узорами, с помощью которых Шарлотта как будто пыталась сохранить значение слов на века. Мейбел эти орнаменты показались навязчивыми до ненормальности, а их симметричность вселяла тревогу.

– Подумать только, сколько труда вы вложили, – сказала она вслух. – Должно быть, вы все время думаете о внуке. Вы им довольны?

Поскольку Шарлотта пристально посмотрела на нее, Мейбел решила, что позволила себе лишнее, но в следующий миг Шарлотта ухватила за край прилавка и придвинулась к Мейбел так близко, что та даже ощутила исходящий от нее запах лекарства.

– Его мать довольна, – шепотом призналась пожилая дама, – а вот ее сестра – нет.

Было совершенно ясно, на чьей она стороне. Прежде чем Мейбел нашлась, что еще спросить, Шарлотта отодвинулась от прилавка и втянула ртом воздух с такой силой, что у нее побелели губы. А еще через миг дверь магазина распахнулась, и вошли оба старших Стерлинга: их

бледные ноздри трепетали, пока они едва ли не по-собачьи вытягивали острые носы, белесые брови одновременно взлетели в одинаковом мягком упреке.

– А мы уже тебя потеряли, мама, – произнес младший из Стерлингов.

– Пойдем же, Шарлотта. Ты ведь вечно твердишь, что не любишь холод. Давай уложим тебя обратно в кровать. К тому же, ты потеряешь свою вышивку, если будешь выносить ее из дома, а ведь она дарит тебе столько радости.

Когда мужчины подхватили ее под руки с обеих сторон, Шарлотта бросила на Мейбел взгляд, в котором читалась едва ли не мольба о помощи. От этого воспоминания Мейбел содрогнулась и быстро обернулась к окну, словно ее мысли мог кто-то подслушать. Смотреть там было не на что, только иней расползлся по траве – ночной холод сделался видимым. Она отвернулась и придвинулась ближе к духовке.

...Не исключено, что Шарлотта была не в себе или даже выжила из ума, как это пытались представить мужчины. Не исключено, что она сама боялась своего состояния и пыталась защититься от него, сохраняя лицо на публике. Мейбел отогнала нехорошую мысль, что мужчины разыгрывали перед ней представление, но все же интересно, каким будет Рождество у маленького мальчика. Каждый раз, когда черный автомобиль проезжал мимо ее дома, она высматривала Бена, который сидел рядом с водителем, тревожно сверкая глазами, и невольно проникалась мыслью, что он лишен нормального детства, впрочем, дети ведь, кажется, всегда считают свое собственное детство нормальным? Она подумывала пригласить Стерлингов к себе на рождественских праздниках, и один раз даже двинулась вверх по грунтовой дороге, но, войдя в тень леса, замерзла так, что пришлось повернуть обратно. Позже, в тот же день, она с изумлением наблюдала, как оба старших Стерлинга и маленький мальчик ушли по тропинке в лес, когда на улице было почти темно. Она хотела посмотреть, как они возвращаются, но, должно быть, пропустила момент. Не могли же они остаться там после полуночи, когда она уже легла спать.

В начале января Шарлотта вернулась в магазин. Она выглядела усохшей, изможденной, едва в силах удержать на себе вес пальто. Она стояла у прилавка, раздраженно откидывая с лица седые пряди, больше не сдерживаемые шарфом, пока Мейбел не спросила:

– Вашему внуку понравился подарок?

Пожилая дама держалась за край прилавка, словно боялась упасть.

– Я еще не закончила, – сказала она.

По всей видимости, она имела в виду свою вышивку, но почему же тогда ее голос сорвался? Мейбел этого так и не узнала, потому что в этот момент увидела, как мать Бена торопливо идет через площадь. Она подумала, что стоит предостеречь Шарлотту, но было уже слишком поздно. Пожилая дама испуганно вздрогнула, когда мать Бена открыла дверь.

– Вот ты где, Шарлотта. Карл с отцом переживают из-за тебя.

Ее лицо как будто расплылось за рождественские праздники и казалось безжизненным от подавленных эмоций и от неукоснительного исполнения долга так, как она это понимала, отчего Мейбел сразу ощутила к ней неприязнь. «Вы знаете, где меня найти, если вдруг захотите поговорить», – чуть было не сказала Мейбел пожилой даме, но что, если та придет к ней домой, когда, очень может быть, ее безумие усилится? Оглядываясь назад, когда было уже слишком поздно, она решила, что та вряд ли пришла бы. Шарлотта с высоко поднятой головой покинула магазин так внезапно, что матери Бена пришлось едва ли не бежать, чтобы догнать ее. Мейбел больше ни разу не видела Шарлотту и не смогла поговорить, но уж это точно не повод, чтобы чувствовать себя виноватой в той аварии.

Никто не знал наверняка, в чем была причина, даже если единственная свидетельница заметила, как Стерлинги ссорились, когда их машина проезжала мимо нее, даже если свидетельнице показалось, что она видела, как на заднем сидении два человека, мать Бена и его дедушка, пытались утихомирить пожилую даму. Не исключено, что Шарлотта в конце концов

вышла из себя из-за того, как с ней обращались, но хватило бы этого, чтобы на дороге, ведущей через вересковую пустошь, где видно все на мили вперед, произошла авария? Должно быть, да. Разумеется, нет нужды задаваться вопросом, уж не спровоцировала ли сама Шарлотта ту аварию, чтобы прекратить нечто, по ее мнению, ненужное или же защитить Бена от его родных?

Мейбел повторила себе, что в поведении Шарлотты ей тогда просто почудилось отражение собственных страхов за маленького мальчика, и она придвинулась еще ближе к духовке. Вероятно, ей не стоит больше думать о Стерлингах, по крайней мере, пока она не поделится своими мыслями с кем-нибудь еще – в данный момент из-за них она чувствовала себя уязвимой. Может, она простудилась? Она, конечно, очень расстроится, если придется пропустить полуночную мессу, но, подумалось ей, вероятно, разумнее будет глотнуть бренди и улечься в постель сразу, как только вынет из духовки последний противень с песочными корзиночками. По крайней мере, кран наконец перестал капать, однако же придется собрать волю в кулак, чтобы дождаться пирожных, когда ее так сильно знобит. Неужели она не закрыла входную дверь? Нет, холодом тянет от окна, у нее спина буквально заledenела. Должно быть, рама каким-то образом приоткрылась. Мейбел, покачнувшись, поднялась со стула, ноги дрожали, и она взмахнула руками, чтобы разогнать неожиданно появившийся от дыхания пар.

Окно оказалось плотно закрытым. Оно было закрытым, однако с крана свисала сосулька. Поначалу Мейбел вообще не поняла, что еще она видит перед собой. Даже когда она задержала дыхание так, что закружилась голова, окно все равно осталось каким-то побелевшим и затуманенным. Она изо всех сил захлопала в ладоши – руки успели заоченеть и стали какими-то чужими – и в следующий миг поняла, что белая мгла висит не в воздухе – а затягивает само окно. По всему стеклу расплзались морозные узоры, и так быстро, что она видела, как разрастаются полупрозрачные усики.

Мейбел была не в силах пошевелиться. Ноги сделались ватными и совсем ослабели, она едва не падала. Замысловатый круглый орнамент расплзался из центра окна, как будто источник мощного холода приближался к стеклу. Как будто маска, с пугающей ясностью подумала Мейбел, маска для лица, которое должно быть шире, чем она осмеливается представить себе, лица некой внеземной силы, настолько холодной, что одно ее приближение заставляло лед обретать форму, – силы, внимание которой, внезапно осознала Мейбел, она сама привлекла к себе своими размышлениями. Она ощущала громадность этой силы в темноте за пределами дома. Пожалуйста, пусть это уйдет, пожалуйста, пусть ее избавят от необходимости увидеть то, что скрывается за маской из льда. Она молила Господа, чтобы больше не думать об этом, чтобы оно ушло прочь...

А потом ее пронзила такая мысль, что она стиснула бы руки в кулаки, если бы только могла ими пошевелить. Если одни лишь воспоминания о Бене Стерлинге привели к ней *это* из ночной темноты, что же *этому* нужно от Бена? Она чувствовала, как арктический холод окутывает ее, словно сделавшийся осязаемым сон, но поддаваться нельзя: кто-то ведь должен защитить маленького мальчика от того, что его поджидает. А потом изморозь с окна расплзлась по стене, словно искусно оживленный мрамор, и Мейбел ощутила, что то же самое происходит внутри нее. Когда она беспомощно повалилась на плиту, все ее мысли потухли, словно спичка.

Подслушанное

Поймите меня, когда я говорю о чистоте. Я имею в виду не какую-то мелочь, а мою чистоту – чистота, которую я подразумеваю, она отличается и стоит особняком... метафизическая, от звезд... от огромных пространств...

Дэвид Линдсей. Утес Дьявола

Глава девятая

Дети ждали, что поездка в Лондон станет настоящим приключением, и так оно и получилось. Эллен уже поздравляла себя с тем, что благодаря ее штурманским указаниям, и несмотря на полуденное движение, их «фольксваген» благополучно добрался до Вест-Энда, когда путь преградил знак, сообщавший, что Оксфорд-стрит закрыта для личного транспорта. Теперь Эллен поняла, почему на карте вокруг этого места столько стрелок, означавших одностороннее движение. Автомобиль, шедший впритык за Беном, загудел в ответ на его резкое торможение, а бизнесмен, переходивший улицу перед ним, помахал двумя растопыренными пальцами, как будто это Бен гудел в клаксон.

– Не делай так, – посоветовала десятилетняя Маргарет младшему брату.

– Надеюсь, это он пожелал нам успеха, – сказал Бен. – «V» означает победу. Не подумайте, что я ухожу от темы, но куда мне ехать теперь?

Карта как будто превратилась в сплошную массу стрелок, которые напозлали друг на друга и расходились в разные стороны, как на диаграмме турбулентности.

– Вперед и первый поворот направо, – скомандовала Эллен, поскольку этот путь казался единственно возможным.

Маршрут проходил мимо Британского музея.

– Это здесь выставлено много оружия, пап? – поинтересовался семилетний Джонни. – А можно пойти посмотреть, если у нас останется время?

– Вряд ли у них найдется старый танк, на котором мы сможем добраться до места напрямик, – посетовал Бен, оскалив зубы при виде знака «Въезд запрещен!»

– Ну, только если останется время, – повторил Джонни жалобно. – Мы ведь не опаздываем? А вдруг они не напечатают вашу книгу, если мы опоздаем?

– Они обязательно напечатают, милый, – успокоила Эллен, обернувшись, чтобы улыбнуться сыну, мальчику с худым бледным лицом, почти уменьшенной копии отца за исключением волос – те были черные, как у нее. – Посидите тихо, пока мы не доедем до места.

Шафтсбери-авеню вывела их к Кембридж-Серкус. Миновав перекресток, Бен прибавил скорость, опережая поток встречного движения, и на волосок разминувшись с двухэтажным автобусом, отчего Джонни радостно завопил, Маргарет взвизгнула, а Эллен задержала дыхание. Инспекторы дорожного движения и женщины в сетчатых чулках вышагивали по лабиринту улиц, ставших еще ужже из-за неправильно припаркованных машин, некоторые из которых были заблокированы колесными зажимами. Каждый раз, когда в общем потоке образовывался просвет, туда пыталось втиснуться очередное такси. Бен барабанил по рулю, словно готовый вовсе его бросить, а затем, лихо наехав на край тротуара, свернул на улицу с односторонним движением.

– Чудо! Свободное место.

Большинство парковочных автоматов были накрыты мешками, но один, в дальнем конце улицы, работал. Бен вписал автомобиль в пространство рядом с ним и выскочил на тротуар. Он уже опускал руку в карман, когда прочел табличку на автомате.

– Сколько-сколько за десять минут? Да при таких расценках мы только дойдем до конца улицы и обратно. Будь проклят тот, кто это придумал. Пусть их носы превратятся в сосиски, и их сожрут собаки, пусть у них ступни вырастут так, что придется завязывать их в узел, чтобы прогуляться...

На овальном, удлиненном лице Маргарет тревога сменялась веселостью, а веселость унынием, потому что она не взяла с собой денег.

– А что будет после носов и ступней?

– Не спрашивай, а то это случится с тобой, – сказала Эллен, копаясь в кошельке. – Боже мой, я оставила всю мелочь у молочника.

– Мама, может, мне спросить у той леди в дверях, не разменяет ли она банкноты? – предложил Джонни.

– Боюсь, она неверно поймет тебя, Джонни, – сказал Бен, сжав колено Эллен и подмигнув ей, когда садился обратно в машину. – Будем ошибаться дальше. Теперь мне ясно, что это большая игровая доска, на которой главное – избегать Оксфорд-стрит. Надеюсь только, что это разрешенный ход.

Он сдал задом до перекрестка и собирался повернуть налево, когда Маргарет спросила:

– А как называется ваше с мамой издательство?

– В любое другое время я бы повторил это название с удовольствием. «Эмбер», филиал «Файербренд Букс».

– Мы только что его видели.

– На другой стороне улицы, откуда ты уехал, – торопливо вставил Джонни, а Маргарет прибавила:

– Там, где какая-то леди прыгает и машет.

Эллен обернулась. Через перекресток от них молодая женщина, указывая одной рукой на их машину, другой манила их обратно за перекресток.

– Она предлагает нам дважды повернуть налево и вернуться, – догадалась Эллен.

– А вдруг она просто так развлекается, раздавая чужакам неверные указания?

Когда им удалось вернуться на перекресток, молодая женщина была все еще там. Она подбежала к машине, как только они повернули направо. На ней был костюм серо-зеленого цвета, зеленые колготки и темно-зеленые туфли, и Эллен подумала, что в целом она похожа на пикси², даже улыбка казалась непропорционально широкой для ее маленького треугольного личика.

– Вряд ли по Сохо разъезжает много семей с детьми. Если бы я знала, что вы поедете на машине, я бы объяснила дорогу подробнее.

– Нам показалось, на машине выйдет дешевле, чем на поезде, – признался Бен.

– Давайте я покажу вам нашу парковку, а потом мы пойдем перекусить. Дети, наверное, умирают с голоду. – Она трусцой побежала рядом с машиной, когда та покатила по пандусу под здание издательства. – Меня зовут Керис Торн, если вы еще не догадались, – сказала она, когда Стерлинги выгрузились из автомобиля. – Счастлива увидеть вас обоих вживую после стольких телефонных разговоров. Как насчет итальянского ланча? Можно чавкать, это же спагетти, что скажете, детишки?

Джонни захихикал.

– Да он почти всегда чавкает, – наябедничала Маргарет.

² Мифические существа из британского фольклора, эльфы, которые обожают зеленую одежду и любят повеселиться, в том числе и сбивая путников с дороги.

- Слышала бы ты, как я ем китайскую лапшу, Маргарет, – вступилась за Джонни Керис.
- На самом деле, меня зовут Марджери.
- А мама с папой знают?
- Нам сообщают обо всех изменениях, – сказала Эллен и поцеловала насупившуюся Маргарет.

Керис повела Стерлингов в тусклый январский день, через путаницу улиц, к ресторану и пробежалась с Джонни наперегонки до дверей, когда они подошли к нужному зданию. Толстенный официант, судя по виду, готовый в любой момент перейти на пенье, провел всю компанию к столику, как только увидел Керис, и принес им бутылку шампанского «Круг».

– Выпьем за бестселлер. Успеха и долгих лет жизни всем нам, – провозгласила Керис, подтолкнув локтем Джонни, который сморщился, попробовав символическую капельку из своего бокала, тогда как Маргарет с наигранной серьезностью цедила свою. – Нам приходится пить эту пакость, потому что мы взрослые, – пояснила Джонни Керис и помогла разобраться с меню, размером едва ли не с него самого. Когда он вслух изумился ценам, раньше, чем Эллен попросила его помолчать, Керис снова пихнула его локтем: – Платит «Эмбер». Можешь выбрать все, что тебе разрешают мама с папой, – вполголоса пробормотала она ему на ухо, и Эллен поняла, что эта девушка нравится ей все больше и больше.

Как только официант принял их заказ, Керис достала из сумочки блокнот.

– Дети, сейчас я буду расспрашивать ваших блистательных родителей о них самих, чтобы наш рекламный

отдел знал, что нужно рассказать читателям, но, если у вас появятся свежие идеи, делитесь. С кого мне начать? Бен, вы пишете книги, основываясь на рисунках Эллен? Эллен, вы как-то говорили, что каждому из вас требуется по полгода?

– Бен пишет осенью и зимой, а затем я иллюстрирую книгу весной и летом, когда освещение лучше, а дети еще в школе.

– Бен уже писал, когда вы познакомились?

– Нет, он начал, когда мы уже были женаты несколько лет. Мне удалось его убедить, и он записал несколько сказок, которые обычно рассказывал детям, и убедить его удалось далеко не сразу, верно, Бен?

– Не сразу.

– Не переживайте, Бен, мы еще дадим вам слово, – заверила его Керис. – Нам хочется, чтобы публика услышала вас обоих, когда мы отправим вас в рекламный тур. Мы бы задействовали вас и в рекламе предыдущих ваших книг, если бы я тогда уже работала в «Эмбер».

– Если учебный год еще не закончится, мы сможем отправиться по одному, – сказала Эллен.

– И тот, кто останется дома, будет тогда вдохновлять другого. Газетчики ухватятся за такую идею. – Керис откинулась на спинку стула, когда принесли их заказ, и официант удалился, послав на прощание воздушный поцелуй в знак одобрения их выбора. – Ну, то есть, если это правда. Как думаете, Бен, вы бы стали писателем, если бы не Эллен?

– Сомневаюсь, что вообще стал бы кем-то.

– Разрешите, я задам вопрос, который обожаю задавать писателям. Как по-вашему, откуда приходят ваши сюжеты?

Бен поднес ко рту кусочек телятины «Марсала», но затем опустил вилку на тарелку.

– Не уверен, что мне полагается это знать. Лучше всего получается, если я просто позволяю истории излиться через меня. Мне кажется, писатели слишком уж озабочены техническими приемами, и тем, что они пытаются сказать, и тем, кто именно на них повлиял. Подозреваю, на меня повлияло все, что я успел прочесть, особенно в детстве.

– Но я бы сказала, ваши сказки не похожи ни на что. Кто, по-вашему...

– Никогда не понимал этого желания писателей обрести собственный голос. Мне кажется, если уж у тебя есть голос, он куда лучше развивается, если не перенапрягать его в попытке услышать самому. Я просто пытаюсь рассказать сказку так, словно вы слушаете меня. Извините, я вас перебил.

– И я рада, что вы это сделали, – завершила Керис, а Эллис ощутила облегчение, потому что его воодушевление побороло смущение, какое Бен всегда испытывал в обществе незнакомых людей. – Но не дайте еде остыть. Я всего лишь хотела еще спросить, какие книги вы сами читали.

– Любые, если они помогали моему воображению жить. – Бен жевал так, словно пробовал воспоминания на вкус. – Детское фэнтези, рассказы с привидениями. Одно лето было посвящено научной фантастике. А когда я стал старше, все книги, какие попадали мне в руки, даже те, за чтение которых мне грозило адское пекло, во всяком случае, так утверждала моя тетюшка, воспитавшая меня. Только не думайте, что я порицаю тетю Берил. Просто избыток фантазии пугает некоторых людей.

– Но, насколько я могу судить, не ваших детей. Какая ваша любимая книжка у Стерлингов?

– Новая, – ответили дети хором.

– «Мальчик, который поймал снежинки»? И у меня тоже. Как думаете, что рассказать о ней детям, чтобы они захотели ее прочесть?

– То, как он загадывает желание не чувствовать холода, – сказала Маргарет, – а потом снежинка падает ему на ладонь. И он видит, что она не тает.

– И как он загадывает второе желание, чтобы в мире больше не было холода, и весь холод входит внутрь него.

– Расскажите, как ледники начали таять, моря начали затапливать землю, и все птицы и другие создания начали погибать. Это было грустно.

– Но в конце все хорошо, потому что он использует третье желание, чтобы вернуть холод в мир.

– И еще покажите им мамины рисунки, – посоветовала Маргарет. – Мне нравится та, где мальчик стоит в снегу и две снежинки сидят у него на ладонях, словно птички.

– Это лучшая. Думаю, мы поместим ее на обложку.

– Помните, я упоминала, что когда-то работала в рекламе, – сказала Эллен. – Я подумала, вдруг вы захотите выслушать мои предложения по этому поводу.

– Прямо в точку. Я познакомлю вас с девушкой из нашего рекламного отдела, и вы сможете все с ней обсудить, – пообещала Керис. – Но я только что заметила, как кое-кто провожал глазами тележку с десертами, думая, что никто не видит.

Прошел почти час, прежде чем она повела все семейство в офис издательства «Файербренд», где они познакомились с таким количеством сотрудников, пожелавших книге успеха, и пожали столько рук, что Эллен тут же перезабыла все имена. Покидая издательство, она чувствовала общую благожелательность, и это в какой-то степени сглаживало разочарование от того, что не удалось встретиться с главой рекламного отдела.

– Познакомьтесь, когда приедете в следующий раз, – утешила Керис, увлекая их через отдел детской литературы в свой кабинет и успев по пути прихватить стопку книг для Маргарет и Джонни.

Она расчистила на столе место среди опасно нависающих гор рукописей, записок и книг, пока ее помощница ходила за молоком для детей и кофе для взрослых – Бену особо крепкий. Когда напитки принесли, Керис подняла свою чашку для заключительного тоста.

– Пусть этот год будет годом Стерлингов, – провозгласила она.

Глава десятая

На шоссе, ведущем из Лондона, сгущались сумерки и поток машин. Джонни заснул задолго до Кембриджа. Все-таки он совсем еще ребенок, подумала Эллен, поглядев на его лицо в свете фар встречных автомобилей, впрочем, он уже достиг того возраста, когда его раздражает, если с ним обращаются, как с маленьким. Когда проехали Кембридж, все трое, Маргарет, Эллен и Бен, по очереди начали высматривать смешные названия на указателях: Стоукам-Квай³, Улиткин колодец, Грязный док, Траус Ньютон... Теперь они уже были на окраине Нориджа и ехали по кольцевой к своему пригороду, и Маргарет широко раскрывала глаза, словно вставив в веки невидимые спички, и заверяла, что нисколько не устала.

– В таком случае, ты такая одна, – заявил Бен и громко захрапел, сворачивая с кольцевой. – Ай, Маргарет! Не пинайся.

– Если ты не устала, – сказала ей Эллен, – тогда уберешь книги и игрушки, которые вы с Джонни разбросали по гостинной.

– Джонни должен мне помогать.

– Он убирает, когда ты уходишь на урок танцев. Только не дуйся, а то мы решим, что ты все-таки недостаточно взрослая, чтобы ходить на рынок с подружками.

– Мама... – запротестовала Маргарет, но не стала продолжать, хотя, когда отец остановил машину перед их домом, она с подозрением покосилась на брата на случай, если тот каким-то жестом выдаст, что на самом деле не спит. Убедившись, что все-таки спит, она сменила гнев на милость и попыталась донести его до дома, как делала это, когда они были младше, однако сумела лишь поддержать, когда Джонни, проснувшись, заковылял сам.

– Иди в постель, если устал, – сказала Маргарет.

– Я есть хочу, – промямлил он.

А Эллен так изумилась ангельским интонациям в голосе Маргарет, что даже обняла ее.

– Вечно ты хочешь есть, Джонни. Убери свои вещи, пока мы с Маргарет что-нибудь приготовим, – сказала она, отперев дом.

Входная дверь, открываясь, смела с коврика кучу конвертов и рекламных буклетов. Джонни набросился на них, передавая матери буклеты – точилка для ножей, газетное бинго, переработка рождественских открыток для нужд благотворительности – и сортируя конверты, в надежде найти хотя бы один для себя.

– Одни счета, – посетовал он.

– В таком случае, отдадим их счетчику, – отозвался его отец. – Хотя, если подумать, отдай их лучше мне. А то вдруг счетчик живет еще хуже нас.

– Разве мы не хорошо живем? – удивилась Маргарет.

– Хорошо, потому что мы есть друг у друга, тебе так не кажется? И в ближайшее время нам вряд ли придется оставлять кого-то из вас в банке в качестве залога. – Бен шутливо ткнул Джонни в подбородок, чтобы согнать угрюмое выражение с лица мальчика. – Более того, у меня такое ощущение, что мы стоим на пороге великих дел, как ты считаешь, Эллен?

– Надеюсь, что так, – отозвалась Эллен, направляясь в кухню. Там она добавила в кастрюлю с готовым бульоном разных овощей, пока Маргарет делала сэндвичи. Они услышали, как у входной двери зажуужала заводная машинка Джонни, врезааясь в какие-то препятствия. – А вот это немедленно уберите! – крикнула Эллен.

– Но мы уже и так убрали все остальное, – ответил Бен.

Маргарет громко вздохнула.

³ Название деревни возникло после слияния двух поселений. Одно называлось просто «место», название второго можно перевести как «коровий остров».

– Мальчишки, – произнесла она таким тоном, каким могла бы сказать женщина в несколько раз ее старше.

– Наверное, если бы ваш папа не сохранил в себе что-то мальчишеское, он не написал бы все эти книги.

Маргарет понесла в комнату блюдо с сэндвичами и тарелки, а Эллен пошла за ней следом, неся суп. Поскольку это была самое просторное помещение в доме, оно совмещало в себе и столовую, и гостиную, и игровую, а в маленькой комнате рядом с кухней Эллен и Бен работали. Джонни положил заводную машинку в коробку с игрушками в угловом шкафу и побежал к столу хлебать суп, глядя при этом за спину матери на угольный набросок водопадов Озерного края.

– Когда мы поедем в горы? – спросил он между быстрыми глотками. – Вы ведь обещали.

– Может быть, уже в этом году. Раньше мы с вашим отцом каждые выходные отправлялись в поход, но затем родилась Маргарет, а к тому времени, когда она достаточно подросла, чтобы ходить с нами, появился ты.

– Но я люблю ходить, – запротестовал Джонни. – Я столько миль прошел вокруг школьной площадки в пользу голодающих детей.

– Хорошо, что ты не увидел ту еду, которую им купили, – вставила Маргарет, – а то слопал бы все сам.

– Нам придется взять с тебя слово, что ты не станешь сильно забегать вперед, Джонни, – вмешался Бен. – Мы же не хотим, чтобы ты свалился с края утеса. Я вот один раз чуть не сорвался, и твоей маме пришлось меня спасать. Так мы и познакомились.

– Расскажи нам, – взмолилась Маргарет.

– Сколько тебе было лет? – спросил Джонни.

– Я был в три с лишним раза старше тебя, поэтому даже не думай повторять то, что сделал я. А твоя мама была еще моложе, чем сейчас, – добавил Бен, увернувшись, когда Эллен попыталась его стукнуть. – Мы с тетей приехали на неделю в Эмблсайд, и я бродил по всей округе, пока тетя ездила на экскурсии в компании четы пенсионеров, с которыми она разговаривала в отеле. И вот, за день до возвращения домой я решил, что пройду по горным хребтам прямо до соседнего озера, откуда мог бы уже и вовсе не вернуться.

Может, поскольку я поднялся так высоко, и ничто не заслоняло мне обзор, или, может, такой там был воздух, настолько чистый, что можно было ощутить его чистоту на вкус, но внезапно все вокруг меня засияло, словно внутри зажегся свет. Все скалы, и трава, и вереск были как будто созданы из той же яркой материи, что и небосвод с облаками. Именно это я пытался передать в нашей первой книжке, где целый мир словно делает шаг навстречу герою и приветствует его своими формами, и красками, и всем остальным, но все это лишь доказывает, как я далек от того, чтобы передать этот опыт словами.

– Мне нравится тот отрывок, – сказала Маргарет, и Джонни энергично закивал.

– Я помню, что вам понравилось. Иначе я бы не оставил его. Вы оба и ваша мама – единственные читатели, которым я хочу угодить, вы же знаете. Как бы то ни было, в тот день я был совершенно опьянен всем увиденным и поначалу просто не понял, что не успею вернуться в гостиницу к ужину, если пойду обратно по хребту, – не то чтобы я боялся умереть с голоду, просто не хотел, чтобы тетушка разнервничалась. И тогда я совершил одну из худших ошибок, какую можно совершить в горах: я выбрал, как показалось, самый короткий спуск. И уже через час я не мог подняться обратно и не мог понять, как же мне спуститься.

– Почему ты не мог подняться обратно? – хотела знать Маргарет.

– Потому что съехал по крутому склону, усыпанному сланцем. Подняться по куче таких мелких обломков невозможно. Сверху все выглядело отлично, просто узкая тропинка между двумя каменными стенами, из которых наружу торчало достаточно выступов, за которые можно цепляться, но на середине спуска я оступился, и все эти выступы, когда я пытался за

них ухватиться, обламывались у меня в руках. И вот так я проехал на спине ярдов двести, навстречу, как мне показалось, голому обрыву, и когда мне удалось затормозить, зарывшись в сланцевые обломки пятками и локтями, до края оставалось не больше пятидесяти ярдов.

– Не стоило тебе спускаться тем путем, – укорил Джонни тоном спасателя.

– Ты читаешь мои мысли. Только другие маршруты выглядели гораздо опаснее, и когда я двинулся вниз, мне показалось, что за краем должен быть довольно легкий спуск. Но надо было оказаться там и увидеть своими глазами, что последние пятьдесят ярдов еще круче и куда ненадежнее, чем та осыпь, по которой я только что съехал. И единственный выход, который представлялся мне возможным, если там за краем вообще была тропа, – сползать вниз и надеяться, что силы небесные вернут меня в безопасное место, если тропы все же не окажется. В общем, я распаниковался. Я принялся хныкать и умолять о помощи всех, кто мог бы меня услышать, а когда это не принесло результата, я сказал себе, что придется подниматься обратно по сланцевой осыпи. Я сказал себе, что все пройдет нормально, если я буду заранее просчитывать каждый шаг, прежде чем сделать его, а сделав, буду выдерживать паузу. И вот я начал дюйм за дюймом подниматься обратно, вжимаясь спиной в склон, в надежде добраться до какого-нибудь места, достаточно безопасного, чтобы развернуться к нему лицом. Но не успел я куда-либо сдвинуться, как половина осыпи, на которой я лежал, поехала подо мной.

Я до сих пор помню тот звук, с которым сланец сыпался с края скалы – как будто кости загремели. Помню, больше всего меня испугало, что придется падать долго. Я с такой силой стискивал кулаки, что мне показалось, я вцепился в куски породы, только то оказались мои собственные ногти, впившиеся в ладони; я с такой силой вжимался локтями и затылком в толщу сланца, что эти места болели потом еще несколько дней. И как раз в тот момент, когда я понял, что меня больше не несет вниз, я услышал голос.

– Это была мама! – выкрикнул Джонни.

– Я ведь уже говорил, что мне был необходим ангел, способный меня спасти. Впрочем, придется признать, ее слова были далеко не ангельскими.

– Слова были примерно: «Что за козел там пытается устроить камнепад», – припомнила Эллен.

– Я же вместо ответа спросил, есть ли там спуск для меня, хотя пришлось кричать всю ночь из-за ветра, который, как я опасался, может сдуть меня с горы. Она объяснила, что слева от меня довольно легкий спуск. Под углом к скальному выступу, добавила она. Но я подумал, что она, должно быть, хочет сказать, справа от меня, потому что слева я видел лишь сланцевую осыпь, почти вертикальную. Мы едва не повздорили из-за того, какое «лево» она имеет в виду, и я уже хотел попросить ее подняться как можно выше, чтобы показать мне путь, но, подозреваю, этого моя мужская гордость не перенесла бы. Поэтому мне оставалось лишь довериться ей и враскоряку сползть на спине к тому месту, которое, по ее заверениям, было для меня безопасным. Я почти добрался до края, но поскользнулся и почувствовал, как меня увлекает к обрыву головой вперед.

– Но ты спасся, – с нажимом произнес Джонни.

– Да, потому что ваша мама догадалась, что мне требуется помощь, и она уже поднималась, пока я скользил вниз. Она ухватила меня за плечо и поддерживала, пока мне не удалось перекинуть одну ногу через другую и сделать первый шаг, после чего я словно по лестнице спустился на каменный выступ размером с эту комнату. Надо сказать, я не замечал всего этого, пока мои руки и ноги не перестали трястись. Несколько минут мы сидели на каменном выступе и болтали, выяснив, что оба приехали на каникулы из Норфолка. Потом она спросила, не проводить ли меня, чтобы я не влип в еще какую-нибудь историю. И я, разумеется, сказал «нет», ведь я же мужчина.

Эллен вспомнила, как он затопал вниз по извилистой тропе, шагая нетвердо, но решительно. По временам Джонни напоминал ей Бена, каким он был в тот момент, когда она, как

ей казалось, видела его в последний раз в жизни. Один раз Бен споткнулся, взмахнув руками, как раз в том месте, где и она оступилась, поднимаясь к нему. И она двинулась за ним следом, тревожась за него, но и в то же время радуясь поводу, который он, похоже, ей предоставил, чтобы пойти за ним, однако в следующий миг она увидела, что он уже выпрямился. Она посмотрела, как он скрывается из виду, после чего вздохнула и вернулась к своему наброску водопада, однако обнаружила, что пейзаж, который она пыталась запечатлеть, застилается от нее разочарованием. Она сунула альбом в рюкзак и направилась к своей гостинице, сожалея, что не предложила этому типу, как бишь его там, встретиться в Норфолке, виня себя за то, что не предложила, удивляясь себе самой, что ждала этого от него сразу после его злоключений на сланцевой осыпи, возмущенно фыркая на себя за то, что упустила свой шанс.

– Вы ведь могли больше никогда не встретиться, – обвиняющим тоном заявила Маргарет отцу.

– В таком случае, тебя бы не было здесь, чтобы сообщить мне об этом. Поверь мне, всю дорогу я бранил себя за глупое бахвальство и пытался придумать предлог, чтобы вернуться. Однако продолжение истории мы отложим до следующего раза. Утром в школу, так что – пора умываться и спать.

Позже, когда обнаженная Эллен лежала рядом с ним под одеялом, он сказал:

– В тот день, после того как ты спасла мне жизнь, ты видела, как я едва не свалился, спускаясь с горы?

– Яснее некуда.

– Я обернулся поглядеть на тебя, поэтому поскользнулся. Много лет мне снилось, как ты сидишь, погруженная в себя, с альбомом и карандашом, на фоне гор. А иногда мне снится, что ты, как добрая горная фея, появляешься, когда та осыпь уже готова прикончить меня.

Эллен перевернулась на бок и положила ногу ему на бедро.

– Я буду поплотнее феи, и ты сейчас это почувствуешь.

– Согласен. Представляешь, я еще вспоминал, как ты выглядела в джинсах. Они были довольно-таки узкие, – сказал он, проводя пальцем по внутренней поверхности ее бедра. – Это была еще одна причина, по которой я надеялся, что ты будешь на выставке, афишу которой увидели Миллиганы. Но я все же рассчитывал заполучить художника, а не художества.

– Я не могла позволить тебе заплатить за рисунок, когда поняла, как много он для тебя значит.

– Помнишь, как твой бойфренд пытался убедить тебя поднять цену?

– И удрал, разгневанный, когда я сказала ему, что работала над этим рисунком, когда мы впервые с тобой встретились. – Она одной рукой нежно сжала пенис Бена. – На самом деле, Хью был неплохой парень. В школе искусств он всегда был готов помочь, когда я нуждалась в помощи, убеждал меня быть посмелее в продвижении своих работ. И еще он переговорил с другом своего отца, чтобы меня устроили в «Нобль», хотя я к тому времени уже встречалась с тобой. Он не мог предвидеть, какие неприятности меня ждут в этом агентстве. Мне кажется, он всегда хотел, чтобы я выжала из своего таланта больше, чем он надеялся выжать из своего.

Бен подсунул одну руку ей под плечи, когда его пенис запульсировал, силясь вырваться на свободу из ее хватки.

– Никому из нас нет нужды испытывать то же, что и он. Надеюсь, Керис и все остальные в «Эмбер» сумели убедить тебя в этом, – сказал он, целуя ее грудь.

– Я не написала бы эти картины, если бы ты не заставил меня увидеть их.

– Я не написал бы книги, если бы не надеялся увидеть в них твои картины.

– Ты же знаешь, что это не так, – произнесла она, хотя эта мысль ей понравилась. Чувствуя, как твердеют соски, она взяла Бена за подбородок и развернула лицом к себе, чтобы видеть его глаза. – Как думаешь, эта книга станет той самой?

– Книга! – провозгласил он, словно церемониймейстер, объявляющий о прибытии особы королевских кровей, но затем посерьезнел. – Думаю, если Керис настоит на своем, наша книга будет на всех прилавках.

– Только прилавках?

– А еще в книжных магазинах городов, деревень, аэропортов и даже в той гостинице в Грасмире, где книжки в мягких обложках на вертящихся полках покрыты таким слоем пыли, что их трудно отлепить друг от друга.

– Мы так и не вернулись туда после женитьбы, чтобы сунуть менеджеру под нос свидетельство о браке. И я до сих пор уверена, что он специально включил пожарную тревогу среди ночи, чтобы поймать меня, когда я выскочу из твоего номера. И еще я думаю, та престарелая леди нарочно отправила своих пуделей вниз, чтобы он споткнулся, потому что она едва не подмигнула, поглядев на меня. – Эллиен поцеловала Бена долгим, глубоким поцелуем, чувствуя, как его язык прикасается к ее, и обхватила его бедрами. – Будет здорово, если книга действительно станет бестселлером, правда? Дети будут в восторге.

– Управляющий в банке тоже.

– Ему не на что будет жаловаться, как только я вернусь в рекламный бизнес. Послушай, я действительно не против немного поработать, так что не переживай. Куда бы я ни отправилась, я все равно вернусь.

– Ничего другого мне и не надо, – сказал Бен и вошел в нее.

Она обняла его, замедляя его движения и подстраивая под свой ритм, теплые волны внутри нее становились все больше перед девятым валом. Когда все закончилось, она опустила голову ему на грудь, вдыхая смешанные запахи их тел, прежде чем провалиться в сон. По временам такой секс нравился ей больше всего: спокойный и привычный, он казался воплощенной стабильностью. Если благодаря книгам их жизнь поднимается на новые высоты, нельзя об этом забывать.

– Не слишком-то заносись, – сонно пробормотала она в лицо спящего Бена.

Глава одиннадцатая

Вечером, накануне собеседования в «Рекламе без границ» Эллен переворачивала листы своего портфолио, и ей ничего не нравилось. Она уже предпочитала этим работам иллюстрации для книг Бена, но теперь она видела, что дело тут не просто в развитии ее талантов – почти на всех работах в портфолио стояли даты. Понятно, что некоторые образцы – магазин подростковой одежды, сеть дискотек, огни которых должны были разгонять зимнюю тьму в десятке городов Норфолка, однако погасли еще до рождения Джонни, – требовалось датировать, но она же не ждет от агентства, что там сделают на это скидку? Ей очень даже нравилась реклама для компании, сдававшей на выходные плавучие дома, однако этого недостаточно. Она вынула те работы, которые казались ей совсем уже устаревшими, и с тоской поглядела на разоренное портфолио, прежде чем принять решение.

– Я им покажу «Бродз Бест».

Бен оторвался от прошлогодних рождественских открыток, с которых списывал адреса.

– Я на это и надеялся. Это ведь твоя работа.

– Все не так просто.

– Так нужно упростить, и если кто-то способен это сделать, то только ты. И если ты когда-нибудь столкнешься с Сидом Пикоком, передай ему от меня: чтоб его перекосило.

– Даже представить себе не могу, что увижусь с ним снова, – бросила Эллен, выходя из комнаты.

У письменного стола рядом с большим окном, благодаря которому днем комната наполнялась светом до отказа, стоял книжный шкаф с широкими полками, где хранилось по несколько экземпляров двух первых книг Стерлингов, издававшая виды электрическая печатная машинка Бена и стаканы с кисточками Эллен, похожие на засохшие букеты цветов, застывшие в ожидании весны, которая вернет им прежние краски. Нижнюю полку занимали папки с работами Эллен. Она извлекла папку «Бродз Бест» и положила на письменный стол, склонилась над ней, опираясь о стол локтями, но папку не раскрыла. Она вдруг испугалась, а вдруг окажется, что все это не настолько впечатляет, насколько ей помнилось.

И впечатляло это, по-видимому, не только ее, судя по поведению Сиды Пикок. Он возглавлял то, что сам предпочитал называть своим департаментом «Благородной рекламы»⁴ – офис, где он работал вместе с Эллен и пожилым мужчиной по имени Натан, геєм, который открыто выказывал ему свое презрение. Сид был на три года старше Эллен, он считал свою широкую загорелую физиономию и оксфордский выговор настоящими подарками от него миру и обожал одеколоны с экзотическими названиями. Каждый раз, когда шефы агентства поручали ему рекламную кампанию, он объявлял мозговой штурм, досуха выжимая из Эллен с Натаном все идеи, как правило останавливаясь в итоге на своей собственной. Три года такой жизни без намека на повышение начали приводить Эллен в отчаяние, но ничего другого в Норидже для нее не находилось. Затем агентство узнало о прибылях «Бродза», а она потеряла невинность.

«Бродз» были старейшей пивоваренной компанией в Норфолке, и хозяевам захотелось создать ей новый имидж. Все в агентстве были счастливы, по крайней мере, до тех пор, пока «Бродз» не отклонили все предложенные проекты кампании. Пивоварам не понравились космонавты, пьющие их эль в свободном падении, плевать они хотели на все варианты с компьютерами и особенно ополчились на идею связать название их продукта с какой-нибудь эстрадной или киношной звездой, современной или же вынутой из ностальгического нафталина. После нескольких отказов Сид вихрем ворвался в офис.

⁴ Примерно так и можно перевести название агентства «Noble Publicity».

– Все равно что с мумиями говорить! Какого лешего они притащились сюда, если считают, что знают лучше нас о современных тенденциях?

И Эллен подумала, возможно, агентство не понимает сути – возможно, они обеспечили бы будущее пивоварни, покопавшись в ее прошлом. Ей показалось, она когда-то что-то слышала об этом эле, и за выходные ей удалось изучить историю норфолкской пивоварни.

«Кое-что, чего вы, возможно, не знаете о „Бродз Бест“», – записала она в блокноте, и еще: «Десять фактов, которые вы, возможно, не знаете...» В понедельник Сид, вроде бы, не выказал особого восторга, однако велел ей зайти позже, если удастся развить идею. В пятницу, по дороге домой, она увидела в витрине магазина игрушек паззл, и ее осенило, как организовать кампанию; ей настолько не терпелось поделиться мыслями, что она договорилась с Сидом о встрече в офисе в субботу утром. Она позволила ему себя обнять, чтобы выразить свое восхищение идеями, но, когда он попытался грубо ухватить ее за грудь, ткнула его в живот.

– Принеси посмотреть, когда будет готово, – пробрюзжал он тоном директора школы, увернувшись от удара.

От этих воспоминаний ее все сильнее охватывал гнев, и она заставила себя открыть папку на столе. Ее работы до сих пор производили такое же впечатление, какое они, должно быть, произвели на Сиду. «Этот человек однажды сказал, что это самый благородный эль Англии», таким был первый факт о «Бродз Бест», которого могла не знать публика, помещенный на десятой из картинок, поэтапно сложившейся из девяти предыдущих рекламных лозунгов, и на ней был портрет Генриха Восьмого с пивной кружкой в руке. Но когда она показала это Сиду, тот сморщился.

– Мне тоже когда-то казалось, что люди так и кинутся избавляться от зубного камня, если я изображу зубную щетку, изгоняющую Чингисхана. Перемудрила, – добавил он, и она ощутила себя такой разочарованной и уязвленной, что даже не задумалась, почему он вдруг решил оказать ей незаслуженную любезность и забрал рисунок, чтобы показать начальству.

Она должна была догадаться, что затевает Сид. Натан наверняка предостерег бы ее, только он на той неделе уехал в отпуск в Марракеш. Через несколько дней, когда младший партнер компании поздравил ее с тем, что она помогла Сиду воплотить идею для «Бродз Бест», она от негодования потеряла дар речи, а когда ее гнев потребовал словесного выражения, было уже слишком поздно и показалось бы просто ложью. Кроме того, она достаточно хорошо изучила начальство: партнеры сочли бы субботний инцидент пустяком и наверняка списали бы ее обвинения на попытку отомстить. Хуже всего, Сид всем своим самодовольным видом давал понять, что обошелся бы с ней куда справедливее, если бы она ему поддалась.

Она тогда убедила себя, что вся эта гнусная история не имеет значения, раз уж Сид Пикок перевелся в лондонское агентство, а она уже была беременна Маргарет, но сейчас она понимала, что должна была отстоять авторство своей работы ради будущего. Может быть, еще не поздно, подумала она, забирая с собой папку, чтобы показать Бену.

– Ты взял бы меня на работу?

– Даже не сомневайся, и любой здравомыслящий человек возьмет.

– Да, но ты ведь на мне женился.

– И любой здравомыслящий человек женился бы, – заверил он и скорчил рожу, опровергая утверждение о собственном здравомыслии. – Как только тетя приедет домой и сможет посидеть с детьми, мы отправимся в ресторан. Нам необходимо столько всего отпраздновать.

Утром Эллен повела детей в школу. Джонни бежал впереди, останавливаясь у каждого перекрестка, и оглядывался на нее, ожидая разрешения перейти дорогу. Маргарет держала ее за руку и болтала о платьях, музыке, о том, что в следующем году ей предстоит перейти в другую школу, об однокласснице, которая, по слухам, не ходит на занятия, потому что у нее случились первые месячные... Это детям всегда есть что отпраздновать, думала Эллен, но, пока ее семья счастлива, что еще нужно? Временами она переживала, вырастут ли дети нормальными,

когда их отец писатель, а мать художница, но они постоянно напоминали ей, что это не имеет значения. У школьных ворот оба торопливо чмокнули ее в щеку и побежали к своим друзьям, а она отправилась домой, чтобы приготовить обед до назначенного собеседования.

Бен оставил ей «фольксваген» с запиской на водительском сидении:

Если ты гордишься собой хотя бы вполтину так же сильно, как горжусь тобой я, ты их порвешь!

Она улыбнулась и поехала в Норидж, ей хватило времени, чтобы прогуляться от парковки по пешеходным улочкам до собора, рядом с которым стояло длинное современное здание из желтоватых камней, куда она и вошла примерно за пять минут до назначенного срока.

Лифт, благоухавший духами и мурлыкавший что-то монотонное, вознес ее на четвертый этаж. Она прошла мимо бухгалтерии, где женщины печатали то, что им диктовали в наушники, мимо еще одной двери, на стекле которой чья-то фамилия была словно скрыта под слоем инея, и нашла приемную «Рекламы без границ» за стеклянными дверями шириной во всю стену. Пухлые синие диванчики, стоявшие друг напротив друга и разделенные толстым синим ковром, терялись на фоне плакатов размером с хороший рекламный щит. На диванчиках ждали двое мужчин, они поглядели на Эллен и тут же снова напустили на себя равнодушно-безмятежный вид, пока она здоровалась с секретаршей за стойкой, чьи глаза и вишневые губы казались приклеенными к лицу.

– Миссис Стерлинг? Вы пойдете первой, – сказала секретарша.

Эллен виновато улыбнулась конкурентам и присела на диванчик. Ее сосед, мужчина средних лет с галстуком-бабочкой в горошек и в великоватом ему твидовом костюме, сидел, уставившись на свои короткие толстые пальцы так, словно они замыслили что-то против него. Второй мужчина, которому на вид было не больше тридцати, сжимал свое портфолио костистыми коленями и сложенными ладонями, как будто молился или же пытался успокоиться. Эллен прислушивалась к неловкому молчанию и звукам, которые лишь подчеркивали его: скрип новых ботинок «твидового костюма», нервно шевелившего пальцами на ногах, барабанная дробь, которую выбивала по ковру левая подметка второго соискателя, – а секретарша то и дело произносила в телефон:

– «Реклама без границ», – она говорила тоном ведущей телешоу, которая описывает приз победителю. Наверное, этот повторяющийся возглас не будет восприниматься, когда Эллен начнет здесь работать, конечно, если получит место. – Это был наш мистер Раттер, – говорила между тем секретарша. – Ему пришлось неожиданно выехать в Лондон. А мистер Хипкисс не сможет его заменить? Что у вас за проект? Попрошу вас немного подождать... – Эллен все еще ждала, когда же она попросит, а та уже продолжала: – Боюсь, мистер Хипкисс в данный момент занят. Он может вам перезвонить. Боюсь, мистер Фьюдж с мистером Пикоком сейчас на собрании. Я передам мистеру Хипкиссу, что вы звонили, как только он освободится.

Она положила трубку и уставилась в стол, демонстрируя пробор, словно предлагала собравшимся поспорить, натуральная ли она блондинка, и Эллен пришлось дважды повторить вопрос, прежде чем секретарша подняла голову.

– Как вы сказали, кто сейчас на собрании?

– Все партнеры, за исключением мистера Раттера. Но они уже вот-вот освободятся, – произнесла секретарша с живостью, в которой угадывался легкий упрек.

– Мистер Фьюдж и мистер...

– Пикок. Он когда-то работал в нашем городе, потом уезжал, но мистер Раттер уговорил его вернуться. А что, вы с ним знакомы?

Эллен набирала воздуха в грудь, чтобы ответить, но тут прожужжал коммутатор и пронзительный голос заговорил с секретаршей.

– Они вас ждут, – сказала та Эллен. – Я вас провожу.

Эллен поднялась. Она могла бы просто покинуть агентство, и пусть Сид Пикок теряется в догадках, но она не позволит ему выйти сухим из воды – она хочет увидеть, как он себя поведет. Она прошла за секретаршей по коридору в глубине здания, мимо большого офиса, где несколько мужчин, сняв пиджаки, трудились над чертежными досками, и оказалась в конференц-зале.

За длинным тяжелым столом, занимавшим почти всю комнату, сидели двое мужчин. Один из них, румяный толстяк, пуговицы на жилете которого угрожали в любой миг отлететь, поднялся навстречу Эллен.

– Миссис Стерлинг, – произнес он голосом густым, словно сироп. – Прошу прощения, что заставили вас ждать. Я Гордон Фьюдж, а это Сидни Пикок.

Значит, теперь он стал Сидни, подумала Эллен, напрягшись, когда Пикок отложил бумаги, которые просматривал, и протянул ей руку. Его широкая физиономия казалась изнуренной, загар приобрел багровый оттенок из-за лопнувших вен. Когда она на секунду крепко сжала его руку, он поднял на нее глаза, словно смущенный такой грубостью, а потом его взгляд скользнул на ее грудь.

– Рад познакомиться, – произнес он.

Усаживаясь на предложенное место, она была уверена, что он притворяется, будто не узнал ее. А он наблюдал, как она садится, словно это было испытание, входящее в собеседование.

– Итак, миссис Стерлинг сумеет прорекламировать себя нам?

Эллен пристально смотрела на него, пока он не отвел взгляд, уставившись в бумаги, лежавшие перед ним. Она наслаждалась его явным замешательством, когда он произнес:

– Не бойтесь повторить то, что сказано в вашем резюме. Я не успел его прочесть. Я просто временно заменяю Макса Раттера.

Неожиданно и остро она невольно почувствовала себя оскорбленной. Да как он посмел ее забыть после той обиды, которую нанес? Он заслужил то потрясение, какое ждет его, когда он узнает работу из ее портфолио.

– С чего вы хотите, чтобы я начала? – спросила она таким сладким голосом, что едва не ощутила на языке вкус.

– Обрисуйте нам накопленный вами опыт.

Они оба выжидательно уставились на ее папку. Ей хотелось швырнуть ее на стол, откинуться на спинку стула и наблюдать за физиономией Сида Пикок, но тут Фьюдж произнес:

– Как вы втянулись в эту игру?

– В рекламный бизнес? В художественном колледже нам вечно твердили, что именно к этому следует стремиться. Кроме того, за рекламу платят достойные деньги, которые оказались не лишними, когда я вышла замуж.

– Вот это я и хотел услышать.

Эллен мысленно неспешно досчитала до трех.

– А что хотели бы услышать вы, мистер Пикок?

– Дизайнер, который даже не пытается впечатлить нас, называя себя художником?

– Ну, к искусству я приобщаюсь, когда работаю над очередной книгой.

– Миссис Стерлинг иллюстрирует книги своего мужа, – пояснил Фьюдж.

– Я о нем слышал?

– Зависит от того, в каких компаниях он вращался, – сказала Эллен.

– Он пишет книги для детей, Сидни.

– В таком случае, это не ко мне. Детишек хотела моя жена, она их получила, и все, что связано с этими цветами жизни, – ее забота. Если вы, миссис Стерлинг, со своим супругом и повелителем дарите миру книги вместо детей, полагаю, это блестящая идея.

– Мы дарим и то, и другое.

– Что ж, посмотрим, что вы готовы предложить нам, – сказал Пикок.

Эллен протянула ему портфолио. Она вовсе не чувствовала себя такой отстраненной, как ожидала: ей было неприятно сознавать, что сердце тяжело колотится и что во рту внезапно пересохло. Пикок перевернул первые страницы, издав горлом такой звук, словно прокашлялся, чтобы сделать заявление, но передумал в последний момент, и она вспомнила, что точно так же он делал, выдавая из них с Натаном идеи. Она вздрогнула, сердце ухнуло, когда Фьюдж произнес:

– В вашем письме не упоминалось, в каких агентствах вы работали.

– «Но...» – Эллен сглотнула комок в горле, чтобы заговорить громче. – «Нобль паблсити».

– Ты ведь тоже работал там какое-то время, верно, Сидни?

– Да, постигал там азы. – Пикок хмуро глянул на Эллен, продолжая переворачивать страницы. – А когда вы там работали, миссис Стерлинг?

Эллен выдержала паузу, дожидаясь, пока он перевернет еще два листа.

– Тогда же, когда и вы.

Он не поднял головы. Он только что открыл первую из работ для «Бродз Бест», и она увидела, как нарочито равнодушное выражение сбежало с его лица. Его партнер глянул на рисунок, чтобы понять, отчего на нем задержался Пикок, и изумленно хохотнул.

– Ого, а ты, Сидни, ведь тоже участвовал в той кампании? Только не пытайся меня убедить, что никогда не встречался с этой художницей. Что это вы двое затеяли, а? Миссис Стерлинг, что вам наобещал наш Сидни?

– Я уверена, мистер Пикок знает, что я ничего от него не жду, – произнесла Эллен, чувствуя, как щеки заливают румянец, наблюдая, как Пикок усилием воли заставляет себя взглянуть на нее.

Однако он всего лишь произнес.

– Как неловко вышло. Простите, я сразу вас не узнал, миссис Стерлинг. Столько воды утекло за... почти одиннадцать лет? – Своему партнеру он бросил: – Могу поспорить, если бы сюда сейчас заявились все, с кем ты работал за свою жизнь, ты мало кого вспомнил бы по именам.

– Все равно, на месте миссис Стерлинг я бы оскорбился.

Тут Пикок посмотрел ей в глаза. Если он посмеет сказать, что нисколько она не оскорбилась, подумала Эллен, она за себя не ручается.

– Позвольте заметить, миссис Стерлинг, после рождения детей вы превратились в по-настоящему цветущую леди. Надеюсь, вы примете это в качестве извинения за то, что сначала я вас не узнал.

– Как ловко вы выкрутились.

– И я надеюсь, вы согласитесь, что мы оба вправе гордиться кампанией для «Бродз Бест».

«Вечно ты на что-то надеешься, Сидни. Не такой хам, каким был раньше, по крайней мере, при свидетелях. Я вовсе не хотела исключать вас из общей беседы, мистер Фьюдж. Разрешите мне объяснить...» Однако теперь, когда миг настал, месть показалась мелочной и унижительной для нее, не стоило рисковать, чтобы пожалеть об этом впоследствии. И вслух она сказала только:

– Не стану с вами спорить.

– Взгляни на это, Гордон, – произнес Пикок, передавая коллеге папку. – Значит, вы не растеряли полученные навыки, после того как ушли из «Нобль», миссис Стерлинг?

Он продолжает собеседование, решила она, чтобы его коллега не заподозрил что-нибудь не то. Она отвечала автоматически, мечтая только покончить с этим притворством и оказаться на свежем воздухе.

– Благодарим за уделенное нам время, миссис Стерлинг, – произнес он, когда Фьюдж закрыл папку и сложил руки на животе, словно только что проглотил сытный обед. Пикок придвинул к ней папку и поднялся одновременно с ней. Когда Фьюдж с усилием привел себя в вертикальное положение, уверяя Эллен, что получил настоящее удовольствие от знакомства, Пикок посмотрел ей в глаза, и не совсем равнодушно.

– Нам еще предстоит собеседование с другими соискателями, – произнес он.

Эллен успела выйти из здания, когда ее осенило, на что он намекал. Все собеседование она исходила из того, что работы не получит, однако выражение его лица в конце подсказывало, что он желает сделать ей одолжение. С учетом сопутствующих обстоятельств, это означает только одно: он готов ее принять. Первым ее движением было решительно вернуться обратно и сообщить ему, куда он может засунуть себе эту должность, но что потом? Сможет она работать с ним снова, даже при полной уверенности, что он не станет распускать руки? Эллен выбралась из толпы, одновременно угнетающей и равнодушной, и села в машину. Пока не обсудит все с Беном, лучшее, что она может предпринять, – выпить чашку хорошего крепкого чая.

Еще на полпути домой ей представлялось, каким будет первый глоток на вкус. Она съехала с кольцевой и свернула на свою улицу, и тут во рту сделалось кисло. Перед их домом стояла полицейская машина, и человек в форме нажимал на кнопку звонка.

Она наспех припарковалась позади полицейской машины и побежала по дорожке к дому, чувствуя, как учащается пульс.

– Что случилось? Чем могу помочь?

Полицейский обернулся, так старательно делая бесстрастное лицо, что у нее перехватило дыхание.

– Мистер Бенджамин Стерлинг здесь проживает? – спросил он.

Глава двенадцатая

В то утро Бен проснулся с ощущением, что его жизнь скоро переменится. Предчувствие походило на обрывок какого-то сна, который он не мог вспомнить как следует. Дети пронеслись мимо него в ванную, а он спускался по лестнице так, словно пересчитывал ступеньки. Эллен выхватила из духовки его тарелку с завтраком и стянула с руки протертую прихватку-варежку, дуя на пальцы, и он тогда подумал, что его ожидание скорых перемен, должно быть, связано с предстоящим ей собеседованием. Он крепко обнял ее, как будто прося прощения, что почти забыл об этом, пожелал ей удачи и поцеловал обожженные пальцы.

– Береги себя.

Он еще доедал завтрак, когда она повела детей в школу. Странно, но стоило ему остаться в одиночестве, как предчувствие усилилось, хотя и осталось таким же неопределенным. Когда он чистил зубы, то поймал себя на том, что пристально смотрит в глаза собственного отражения в зеркале ванной, и он, чертыхнувшись, спросил себя, чего он надеется там увидеть. От его вздоха отражение в зеркале затуманилось, и он поспешил вниз по лестнице, чтобы оставить Эллен записку в машине.

День оказался не таким холодным, как пророчило серое небо. К тому времени, когда Бен добрался до магазина Миллиганов, успев пробежаться за автобусом и потолкаться среди горожан в толстых зимних пальто, ему показалось, что предвкушение выпарилось из него вместе с потом. Доминик менял выставленные в витрине книги, складывая их у двери и сдувая с обложек фальшивый снег.

– Слава богу, пережили! На следующее Рождество в нашем магазине точно не будет всей этой чепухи, – проворчал он. На его плоском лице горели красные пятна, почти такие же яркие, как его жесткие рыжие волосы. – Книги, которые никто не купил бы себе, на которые ни одна из этих морд с телеэкрана не поставила бы свое имя, не будь они уверены, что всем известно – на самом деле они этой дряни не писали.

Обрывки елочной мишуры поблескивали в косых лучах солнца, улетаая в сточную канаву, и Бен ощутил, как какое-то воспоминание сверкнуло и угасло, так быстро, что он не успел его ухватить.

– Не смотри с таким подозрением, – сказал Доминик, широко раскрывая глаза, отчего его высокий лоб пошел морщинами. – Ты евангелист по сравнению с этими бездушными свиньями. Давай, помоги мне вытащить их из витрины.

Когда часы над крышами начали отбивать девять, Доминик перевернул табличку на двери, объявляя, что магазин открыт.

– Старик, на этой неделе мы сами по себе. Фионина мамаша говорит, что она нездорова. Если хочешь знать мое мнение, из этого и состоит современное воспитание: одни только модные тряпки, фастфуд и слабохарактерность. Когда мы с тобой были школьниками, народ выстраивался в очередь, умоляя отца открыть магазин, впрочем, тогда в школах учили читать и умели согнать с тебя семь потов.

– Покупатели вернутся, как только придут в себя после рождественских трат.

Доминик принялся вышагивать по магазину, высматривая книги, которые можно убрать с полок.

– Я занялся этим делом, потому что считал, что книги до сих пор помогают людям получать образование, но последнее, чего хочет современная публика – сознать, что можно сделать себя лучше. По крайней мере, в твоей новой книжке имеется смысл: она объясняет детям, что мы сотворили с климатом.

Смысл в магии, хотел возмутиться Бен, в магии воображения, языка, пробуждающего мечты, в новом обретении ребенка в себе, чтобы увидеть мир его глазами, – но это лишь спровоцировало бы Доминика на новый монолог.

– Хотя бы эта зима похожа на те, что были раньше, – выбрал Бен самый безопасный ответ и принялся упаковывать книги, чтобы отправить обратно поставщику.

Когда начали появляться покупатели, Доминик приободрился. Двое студентов зашли, чтобы обменять подарочные сертификаты на учебники, потом заглянул какой-то заторможенный толстяк – с красным, словно у клоуна, носом, – который громко фыркал каждые несколько секунд, рассматривая корешки книг. Пока он расплачивался за словарь, методично выписывая чек, прежде чем вырвать его из книжки и фыркнуть раз десять, убеждаясь, что все правильно, чья-то бабушка зашла в отдел детской литературы, выбирая книгу в подарок. Бен наблюдал, как она подошла к их с Эллен книжке, прошла мимо, даже не взглянув, затем вернулась, сняла книгу с полки, прочла аннотацию и, не выпуская из рук, принялась осматривать соседние полки. В итоге она взяла томик Энид Блайтон⁵ и пошла с ним к прилавку, сунув на освободившееся место книжку Стерлингов.

– Ничего страшного, – сказал позже Доминик, – на прошлой неделе мы продали одну из ваших книг.

Вскоре появилась мать Доминика с двумя мисками, ложками и кастрюлькой овсянки.

– Мальчики, это вас согреет, – пообещала она, суетливо пытаясь им помочь, несмотря на хромоту, вызванную артритом. – Да, Доминик, доктор приходил. Твоему отцу прописаны ежедневные прогулки, и если он не будет от них уставать, то сможет заходить в магазин. Так, время от времени, но ты же знаешь, как он от этого счастлив.

– Дай-то бог, мама. Оставь кастрюлю, я сам потом принесу.

Доминик проследил, чтобы она скрылась из виду, вынес кастрюлю на улицу, когда там было относительно пустынно, и вытряхнул ее содержимое в урну, скорчив Бену рожу. Бен часто задавался вопросом, когда его друг начал превращаться в такого трезвомыслящего и нетерпимого человека, состарившегося раньше срока – но может, в Доминике он видит некоторые свои черты, которые ему не нравятся и о которых он предпочел бы не знать? Он снова принялся механически сортировать нераспроданные книги, прежде чем подписать им приговор, и даже впал в какое-то сонное оцепенение, когда его привел в чувства Доминик.

– Это твоя жена?

Доминик распаковывал коробку с книгами. На какой-то миг Бену показалось, он ошибочно приписал авторству Эллен рисунок на обложке, но затем понял, что Доминик смотрит поверх книги в окно. В дальнем конце улицы Эллен стояла, пережидая поток машин. Должно быть, ей не терпится рассказать ему о собеседовании, она так и пришла в сером костюме и белой блузке, перехваченной у горла бабушкиной брошкой. Он подошел к двери, помахав над головой сцепленными руками, но, пока она переходила дорогу, он уронил руки. С какой бы новостью она ни пришла, по ее лицу он понял, что ей очень не хочется ему рассказывать.

Ее овальное лицо немного округлилось после рождения детей. Длинные черные волосы она по-прежнему носила распущенными, несмотря на успевшие появиться первые седые пряди. По временам, в минуты покоя, ее лицо казалось почти невзрачным, но никогда – если в больших голубых глазах отражались чувства. И теперь ее потухший взгляд привел Бена в смятение. Он закрыл за собой дверь и торопливо пошел к ней навстречу.

– Не принимай близко к сердцу, любимая. Им же хуже.

⁵ Энид Мэри Блайтон (1897–1968 гг.) – английская писательница, автор многочисленных сказок, рассказов и приключенческих повестей для детей и подростков. Она до сих пор остается, по результатам опросов, любимой писательницей большинства британцев.

– Ты о чем? – На мгновение он, похоже, неприятно поразил ее. – Ах, собеседование. Я не совсем уверена, мне нужно все обдумать. Нет, Бен, послушай...

Он подхватил ее под локти и убрал с пути фургона, парковавшегося задом на краю тротуара. Только не дети, подумал он, ощущая, как в животе разрастается лед.

– Я слушаю, – произнес он вслух.

– Может, пойдем куда-нибудь, где поменьше народу?

– Ради Бога, скажи мне сейчас же!

– Бен, прошлой ночью умерла твоя тетя.

– Тетя Берил? – глуповато переспросил он, прекрасно понимая, что у него только одна тетя. – Кто сказал?

– Утром об этом сообщили в полицию, и полицейский только что приезжал к нам домой. – Она завела Бена в магазин, поглаживая его руку. – Он сказал, в ее смерти нет ничего подозрительного, однако он хочет, чтобы ты зашел в участок, когда освободишься.

– С Новым годом, Эллен! – сказал Доминик, но тут увидел выражение ее лица. – Э... прошу прощения, я не...

– Нам только что сообщили, что моя тетя умерла, – пояснил Бен.

Доминик коснулся своего лба, груди, левого плеча, правого:

– Да покоится она с миром. Она была прекрасная женщина, это огромная потеря для всех нас. Хочешь взять выходной? Я и сам смогу справиться.

– Спасибо, Доминик. Мне в любом случае надо зайти в полицию. Может быть, я еще вернусь после обеда.

Горе начало прорастать в нем, пока он шел вслед за Эллен к машине. Он ощутил облегчение, когда тетя отправилась на Рождество и Новый год в гости к друзьям – облегчение от того, что не придется, как обычно, два дня поддерживать вежливые разговоры и излучать праздничное настроение. Она получила открытки, которые дети нарисовали ей на Рождество, подумал он, но они больше не нарисуют ей открытки на день рождения. Он никогда не благодарил ее за то, что вырастила его, и вот теперь слишком поздно. Он сглотнул комок в горле и сжал кулаки, и даже сумел не разрыдаться, пока не сел в машину, где Эллен его обняла. В конце концов он с трудом выговорил:

– Давай выясним, что им известно.

Он высморкался, пока она вырубивала в поток машин.

– А они сказали, как это случилось?

– Насколько я понимаю, она не сильно страдала, Бен. По-видимому, она умерла от переохлаждения.

– Как это? Что там у этих ее друзей творится?

– Она не ездила к друзьям. Она была в том городе, где ты родился.

– В Старгрейве? И что она там делала?

– Я не догадалась спросить.

В глазах у него щипало, во рту стоял привкус горя, недоумение сгушалось, словно гроза, которая никак не может разразиться. Он спешно ринулся в полицейский участок, пока Эллен парковала машину. В окошке за перегородкой сидел полицейский, почему-то странным образом напоминавший швейцара.

– Чем могу помочь?

– Я Бен Стерлинг. Мне сообщили, что моя тетя скончалась на севере страны. Вы случайно не знаете, что она там делала?

Если полицейский и счел странным такой первый вопрос, то не подал виду. Он ушел в кабинет, откуда доносился стрекот пишущих машинок. Когда он вернулся с кипой бумаг в руке, Эллен уже успела присоединиться к Бену и сочувственно пожимала ему руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.